

Смоленск
2013

А. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

ВБЛИЗИ И ВОДАПЕКЕ

книжка-раскраска

Смоленск
2013

УДК 821.161.11
ББК 84Р7-5
Д56

Добровольский Александр Васильевич
Д56 **БЛИЗИ И ВДАЛЁКЕ.** – Смоленск, 2013. – 200 с.: ил.

В целом суровая – местами угловатая, местами тонкая до почти эфемерной прозрачности, натянувшейся нежности, – книга. Порой небрежная – но можно в этой небрежности углядеть и уютность фантика, позабытого на столе, – и *скорпись* ветра. Некоторые стихотворения, которые вполне можно было убрать, оставлены. Так предметы, вроде бы и ненужные, углубляют обстановку комнаты ее содержанием.

Что до построения книги, то и каждым разделом своим, и целиком она напоминает букву «С», вынесенную автором в предисловие – если пробегать по разделам, можно ощутить сначала неуклонное расширение, и, когда уже спазматически ждешь сжатия, – словно сквозняк проносится: дальше!

Буква «С», не содержит ли она в себе вдох – и выдох: для нового вдоха?
Вдоха нового? Чувствуется: так Сложилось.

Иллюстрации автора.

ББК 84Р7-5

© А. Добровольский, 2010–2013
© А. Шлыков, цв. фото, 2010

одни – воспламеняли
другие оттеняли
третьи
и так и этак:
спасибо всем

не в силах подарить вам
весь мир
дарю вам пока
полукруг – букву «С»,
в надежде
что мир себе
вы подарите сами

(раскрасьте его сами)
(дорисуйте его сами,
ошибки исправьте – сами)

С любовью,

Богиня Тора

а тотли Са
нтори те
кто видит в мновение
со мне что-то великое
увидели Са нтори великие;
природу ли, Бод ли,
веретвицу ~~мозг~~
невысших по дмострже,
или то
что это отражается — они,
и это — мундаль
к ним самим

ПУТЬ ВЫВЕРНУТЫХ ЗВЕЗД:

НОЧНОЙ ВОКЗАЛ.

как
 выпустив
 трапы
(ночь – лес вертикальных
(волнообразно вовнутрь мерцающих словно ночные кафе
со взмывающими наружу свободными столиками
вроде НЛЮ в окне)
до утреннего донца
 корни якорей
 забросивших
 лучей,

многогранных лучей
от каждой звезды
коим несть числа –
радужно шелестит)
стоят
 облаков
 громады
как в зеркале

(поезд вибрирует длиной:
вокзалы перекликаются – горячо)

ЧУДО.

черная в звездах ночь
как площадь с фонтанами... —
когда жизнь
делает тебе
то
чего ты от нее
ну никак не ждал — она тем
раскрывается в тебе: кто
мы еще? — ночь — плавный
эскалатор метро
среди звезд полос

МЛЧАНИЕ.

душа долго серебристо дрожит
как на кончике листа капля
как самолет в ангаре

* * *

чайка пикирует на волну
аки бабочка на цветок
расходится как стебель рябь потом
и чайка виснет вешалкой в открытом шкафу...
и снова крики чаек словно скрипачелей
для разгоняющего их мальчишки

СИГАРЕТА БУДНЕЙ.

взгляд завязывается сплошным узлом с зеркалом,
как, лопатой, швыряемый, песок,
запутывается, в полете, в песке:
размахивающееся звездное небо, –
чирикает кузнечик в мешке сена где,
где осени листом краснеющий уголек
расставляет словно книги на полке – ворохи дел –
звенящие блюдца птичьих треугольных вещей, –
и расходится кругами, разматываясь, клубок новостей
разбегаясь словно ручей
в той форме, что: лопата костра
закапывает в громогласные трубы неба
красные листья
и осень – святыя мощи
да песка беспредель
ность: воздух, –
и бабочка в траве
заколкой в волосах

ГОЛВЫ.

сквозь мысли о самоубийстве
нам доносилось только эхо
эха бумеранг –
вот причина
против которой
мы еще живы –
ведь эхо
это
профиль тоталитаризма:
кривозеркалье мяса
мы невиди мы голые –
значит шорохом

дробить
вниманье на лучи:
подземные трудные сфинксы,
родниковые корни, колосья ржи

апельсиновой яркости крик
в тысячу тысяч свечей
поначалу замораживается надобностью держать
в поле зрения льдистоискрый язык змеи,
затем становится крематорием себе
после вспышки в рефлекторе покатом
взаимовыгодной педагогической лжи:
как обрило наголо Землю

в такой ослепляющей откатом глуши
что слышно и видно с изнанки
как дышит тропинка
жильных залежей сверкающей руды душ
выходя с другой стороны
как радужно волна колосится
пока над миром стоит
силуэт
без
головы
с серповидным обрезком шеи

остаться бы
хоть памятниками самим себе:
гулким силуэтом головы
как невесомо тонкая молния
завивается фиолетовым локоном
обнажая разницу белого от черного
над озерами крыш
пока машины тупо пилят темноту

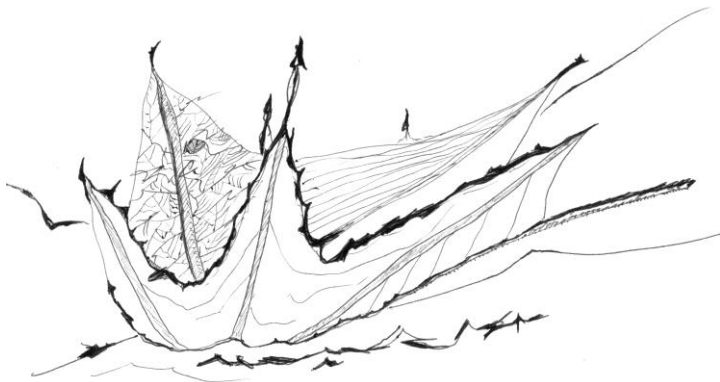
на худой конец
пусть устоит во весь рост вертикалью

снятая с туловища
голова:
как средний палец
в известном жесте
...между соблазном безнадежности
и соблазном надежды

* * *

лава листьев, багряно застывших
со стреловидной тягой шпилей по краям
где розовость подушечек кошачьих лап с когтями
растаявшими в обнимающих ступаниях
подобно галкам в кулисных шевелящихся складках
свежего как ломоть арбуза пурпура заката
роскошного пестро словно крылья у птицы
в их миг широчайшей расправленности
и проверки воздуха
как перед входом дотрагиваемся до озера,
и скрещенные тени
как решетка слива
когда сбегает вода —
трафаретом неба колыхания над их теплицей которого
как медсестра дающая наркоз
глотка одиночества, готикой осени
достигшего универсальной всеобщности
и приземлившегося на парашюте сводов
уже объятием
осознающим хрупкость

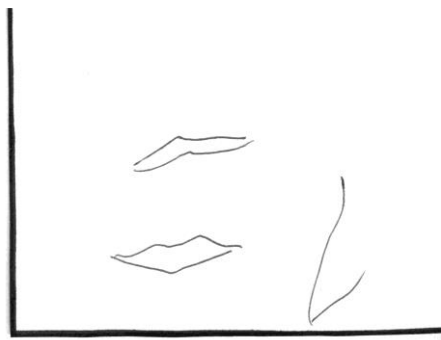
* * *

ветер выписывает листьями на дереве
каждый миг – иной иероглиф
и качает ветви ель
складывая в личико
и воркуют нам забытые в забыты
вон там
только голубиные огни –
отзываясь твоему касанью
его ведет ресничною радугой кожа
в музыку
распростершись

РАЗГОВОРЫ.

люблю когда зрачки
разворачиваются как ежи
и показываются сизоголубые дельфины
говорить и слушать
слушая и отвечая тому что
из пауз меж слов
сочно веет теплом
сообщающейся глубиной
и капли: кружево вечера
где прозрачность красоты
в неизведанное:
и зрачки дребезжат

ВЫСОКАЯ ОСЕНЬ.

бабочка-капустница мотает крылышками
как отрывные номера телефонов
объявления на двери подъезда:
в игольное ушко продета ветра
цвета церковных свечей и вареных креветок лента,
вороша подобные стогам сена деревья
как червленую кочергою – очаг

а что такое бабочки? – цветы
чей восторг перевесил стебель
и они оторвались самозабвенно,
и ребенок бежит по платформе
за катящимся черным воздушным шариком

девочки, девушки, женщины
чью золотистую

для зренья кожи

на фоне

ночи

прядь

пропускал сквозь пальцы
вбирая золотую как пыльца тень:
все сохранились ею – здесь
завернувшись словно раковины
в ее, рожденную ими, запечатлевающую
недвижность ресниц, тех,
взгляда изнутри
на пирамидальную откровенность огня, –
и там рассыпаясь искрами,
где любящий дым бывшего
находит жизнь скользя губами
по струящейся струе колготок
на которых застыло солнце

желтомедовая тяга сердца:
поиск, а может, подготовка места
где выпитый чай
возвращается в чашки
возвращая целующиеся улыбки:
соты

солнечные

листья

в полете

вращаются

как милицейские

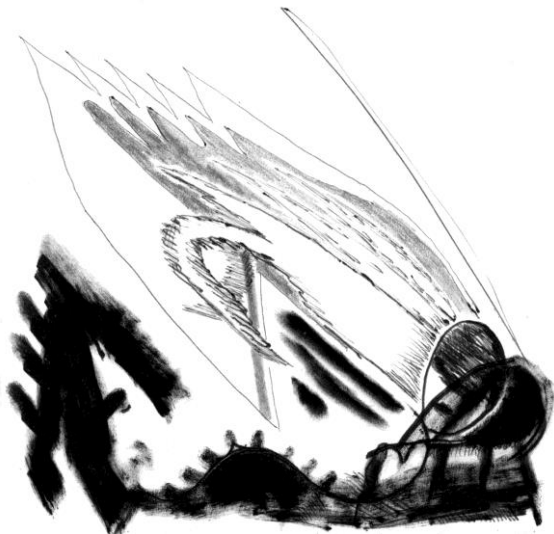
мигалки

и пролетают
как налившиеся брусничные семафоры вокзала,
загораются на излете
празднуя вечную торжественность природы,
освещая погибшую белокурую собаку-бродяжку
раскинутую посреди тротуара как снег

о ты, летящий в темноте
в мнущемся ореоле невидимого пламени:
путь вывернутых звезд:
будучи невозможным – быть
– выдох

закат:
солнце на танцующих стеклах дома
словно внутри пожар

...лучи звезд растекаются по небу
как масло по раскаленной сковородке

НОЧНОЕ.

фонарь за окном –
деревья в окне –
светотени на противоположной окну стене
словно лопасти бесшумного вентилятора
в которые тянется дым

как прозрачная капля
лучась выгранивает драгоценные камни спектра
выстраивая ярко вдоль слепящего луча
оставаясь цельнопрозрачной –
так полночная тишина: ясно

глянешь с балкона: лужи
как осколки разбитого зеркала
стремящиеся слиться как ртуть

и чувствуешь чувства снаружи
как тонкую маслянисто
грань где прилипали
капли дождя молотящего: к крыше

лужи сияюще-округло: звонко слились

* * *

скользкими мазками летят машины:
водяные света червячки
расползаются по стеклу
просачиваясь светом, и
оставляя воду
за бортом:
хлещет полными струями дождь,
я пересекаю вдоль и вдале шоссе
как по кромке волнолома
прилива на бурных колесах прибоа

* * *

умирая
успеть поджечь свой труп
чтобы стало тепло и светло
вокруг на прощание

как хорошо горят черновики!
в паскудное это время
не читателей – зрителей книг

в это время, величественное
как невесомый Млечный путь
в котором слышна
каждая звезда

* * *

слезы выплывают из глаз
тихими облаками
когда плачет мама
когда папа
хотел бы заплакать

озера озера озера
в которых плывут облака
поднимая волны
волны идущие ковшом бульдозера
к растаявшим берегам
озеро озеро озеро
опрокинутый из него
обелиск

и свистит голубиной небоо

* * *

птица вперед метнулась
как чиркнутая о коробок
спичка вылетевшая из пальцев

ВЕРЕТЕНА ОБЛАКОВ.

никотиновая осень влетает в комнату
и дверцы шкафов со скелетами
приоткрываются

...голубое пламя вечера
формой льда отражается в комнате
чтобы всплыть

и кто
поймет тебя
за столько миль от дома?..

...прекрасные
потрясающе
веретена облаков...

ДЕРЕВЯННЫЙ НИМБ ДОМА.

лучи бороздят
 мерный плеск
опрокинутого мягко сном неба
куда закинуты
 деревья словно невод
и полые стены комнаты
раскрываются по бревнышку как веер
от изголовья
встает древесный нимб дома
листая свои годичные коло-
кольца
пока на кухне
тень закипающего чайника
слегка дрожит как дым
и холодильник звякает посудой
как столик в поезде часами и стаканом...
сооруженьем праздника свеча
то плавный силуэт
то – конской гривой
а сторожевая агатовая ночь
переливается редким лаем
из одной собаки в другую
кругом по округе
пока сердце балансирует на кромке
луны двоящейся под перекладиной окна
как перекинута на веревке простыня
и дома нимб
задевая медлительную бахрому взмывающих теней, –
искрит

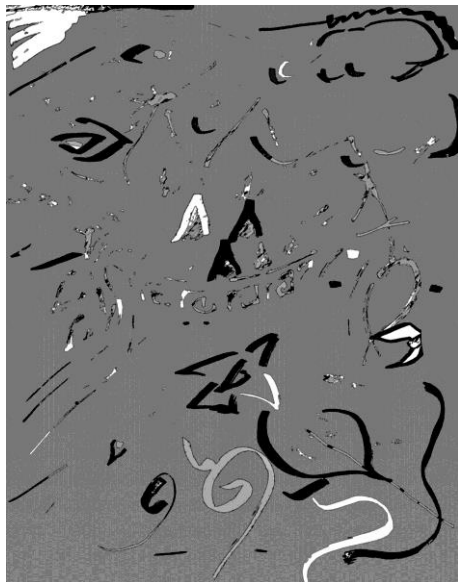
и скрипят половицы
 высекает цикада
 шуршат домовые
 проходят года

сощурысь я смотрю в себя
как уезжают в лес
из городов
держа голову в профиль: дрозд

пока миры кружатся в хороводе
и поют изумрудные бессловесные песни
где на кончиках травы
кто-то нежно стоит
а перед крыльцом
трава примята
как подушка: до сих пор

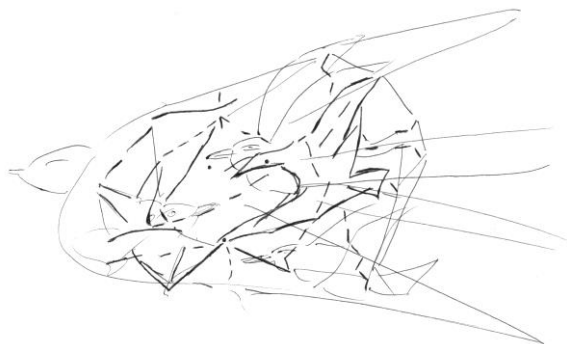
и я иду пока свет колеблется
а тени мельтешат вдоль стены
словно матовые бабочки в банке
и больше не окликаю время

ΔΙΑΓΩΓΗ:

ОРИГАМИ НЕБА.

птицы перераскладываются летая
как оригами неба...
сквозной легкостью чуть шелестя
оперением играя... в неге
молниеносные пунктиры мелькают
так
что разбегаются все глаза
как веселые щенята визжат
по кисточки ушек
в небе

ВСЕ БУДЕТ.

окна после дождя
вспыхнут рассветом –
как волнорез
радужным спектром
и многое
простится памяти
за этот
сокровенный миг
цветным ветром

ДиалогИ тЕкстА.

мироздание сочится сквозь мои поры
но я играю с ним в прятки
и нахожу в голосах
блуждая среди витрин созвездий
струящих мне свой лабиринт
что же? я обмакну
орлиное перо как ветреную бабочку
в разбухшую чернильницу сердца
треснувшего избытком
радуясь что тебе и впрямь
нужен тоже мой голос
раз такую ценой
здравствуй... я люблю тебя!
пока мой вулкан
еще меня приносит в жертву
я емь
голос тебе
значит выключи свет
и я вернусь – твой пульс
этот разрыв
да будет со-единением,
еретически истинный Господи
кошмары так кошмары
свет так свет
но я
 предпочитаю
 свет

богословию планет
the end
эхо множится...
весь
весть
я – рана твоя
закрываю собой
...и в блевотине
я верую мной в Христа
блуждающего мной по-прежнему
освобождением
и мирозданье сочтется сквозь мои поры
(и несмутимо объемлющее: жизнь – прекрасна
ясно пронизывает)

БЕЗОТЧЕТНАЯ ШИРЬ.

я вспоминаю Новый год,
несколько лет назад:
бомж, у моста
(странная причуда!)
спросивший который час,
скамейка, я, широким жестом
поставивший ему пиво
и скрасивший его страшный час
праздника без людей
равнодушным
(был тогда духовным бомжом)
общением
впитавшем всю подноготную,
я помню, как он кричал

гирлянде разноцветных лампочек
над мостом
убегающих в даль
которую отсечет полночь:

«С Новым годом, люди!..»
«С Новым годом, Смоленск!..»
«Спасибоо!..»

он был счастлив!
я – был счастлив
его безотчетную ширью

Колька, Колька...

НЕРУКОТВОРНОГО!

одиночество
когда навзничь стерты
решетки всех изображений

для нерукотворного
прикосновения
ослепительно длинной ночью

СЕРП СТРИЖА.

серп стрижа
мчится
как месяц ножницами ночи мелькает
в прорези несущихся туч
подобным днищам ускользящих кристальных кораблей
за край мира
стриж – стрижет
вырез
пожиная за:
серп стрижа

* * *

переливчатая как Северное сияние
необъятная пустыня молчащего Бога
потому что она объемлет большее
чем пламенеющий гласом куст
и не умещается в языке
тем более – наизусть
не решает твоих проблем
тем что в присутствии опрокинутой звезды костра
от тебя падает тень величия
намного длиннее тебя
рукоятью обоюдоострого в руку –
но она, пустыня непостижимости,
просто оставляет тебя спокойным наедине
с тем что есть

ПРЕД-ЗИМНЕЕ.

среди елей болотно взглянувших звездой
постоять на снегу
осыпанном шахматно старой хвоей
чтобы хвоинка запуталась свежестью
в каблук
...на небе скалисто-угрюмом
тучи как айсберги
котомками пилигримов
двинутся в путь
по белой тени радуги
вниз осыпая

морозные цветы
цветы цветы следы
иголки в одну сторону как компас
деревянной мощи мощей деревень
блуждающих огоньками
дремучих биноклей окон
исполненных Рождества
где в красном углу
стоят прекрасноскуромнострое
стройные пшеничные снопы
как салют
а вокруг
псиного лая нимб
пробирает до озноба: финифть
узор мороза на стеклах
и шубно греют пальмовые мхи
меж двух зорь
где родник как фарфоровый
бьется подснежник над рекою снегов
постоять
глядя как розовыми крыльями прожигают метель лучи
от сердца вымени
и как мыча промолчать спасибо

качая купол в колыбельных руках
под роскошными ресницами снежинок
постоять
под звоном колокольным
в малиновой дымке...
под хруст среброснежных ветвей в алмазных почках

СКРИЖАЛЬ (КРИТИКАМ И Т П).

самое главное я
вычертил ведами на
на своих костях:
потому подождите
если сможете пока
стлеет плоть
и мощно обнажится скрытое
– но вы: не сумеете
дождаться момента истины

в черепе вспыхнувший свет
задолго задолго до вас
он ждет пока время – догонит
сияет пока время догоняет

Я СМОТРУ НА ТЕБЯ (ВСЯ ЖИЗНЬ).

я живу в тебе
вакуум воспоминаний
от звезды лица
и прижатая к груди улыбка
и вдруг – ясная явная ты
которую я люблю
струящая свою наготу
сквозь красоту

ДиалогИ пристальной пристани.

– лучше я
сдохну здесь
где тебе не придется меня искать
чем отправлюсь в странствие без
твоего благословения
– ты любишь их
за то
что их нельзя любить
– спасибо деревьям
что качаются
вместе с тобой на качелях
крестообразного ветра
– здесь
 въедается в камни одно
упование роза ветров
закрылась внутрь хлопнув дверью
приложив ею ухо к земле
чтобы слышать шаги рассвета
в соседней комнате
– под тенью статуи:
он подносит стакан ко рту

как адмирал к зрачку подзорную трубу
и роняет лицо в ладонь
как слезу вспенивая кровь
– я закрываю глаза и
ресницы горят
– обнаженный как шея запрокинутой
головы по коже бегут облака
– я люблю того
кто любит их за то
что их нельзя любить
– я с тобой – ты любишь их –
– я с тобой
– расскажи мне о маленьких туфельках
– причастие дождя с непокрытой головой
– я с тобой и
– дом хлопает бабочками дверей...
– рассвет. трепет вакуума
проникновенный крик восторга распятой зори
– мы
– дети
– двери детей
– дети дверей пристальные
– корабли
– ноль

МИМОЛЕТНОЕ.

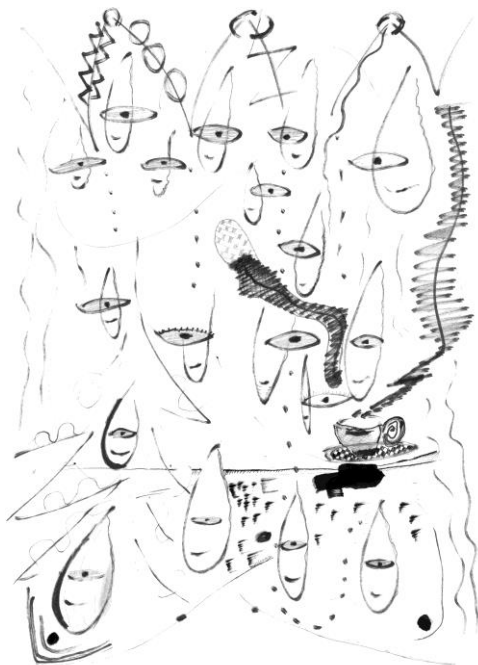
миможивущая бабочка:
ключок пены упущенным мгновением зато
на гребне волны
пульс бьется словно родник
в ладонях
приостанови дыханье – и пойми

УЛЫБНИСЬ МНЕ ЕЩЕ :-)

ну зажги, зажги
еще
свою улыбку!
моей улыбке без нее темно
всходить!
еще чуть-чуть!
ну пожалуйста! так!
танцуем!

РЕКЛАМА КАФЕ.

Большим городам
не жизнь
без уютных пустынь кафе

ПВРА!

опираясь на посохи собственных мышц
под раскрытой форточкой
как под козырьком подъезда
перед колышущимся дождем
шелеста
которым взорвался витраж:
время – даль
воздух – даль
и реальность – неподвижное зеркало
и фантазия – подвижное зеркальце
а мое – мое уже находит меня
на их пронзительном пересечении
где воздух полон дивных текучих энергий
и я черпаю их опираясь
на посохи этих мышц
пока луна – ломтик лимона
на крае бокала коктейля
пульсирующий надето
я – пересечение
готовящееся шагнуть
ибо тень птицы плывет над рельсами
шахматная доска
готовится стать опять однотонной
опрокидывая фигуры тонные
пора!
небо как разводятся над Невой мосты
но уже в следах шин
свадьба: откройся нам
быть счастливыми
Твоим счастьем, Боже
ведь наш мост – весь в пирсинге
замков влюбленных

РОДИНКА.

ах, человек, рассуждающий о судьбах Родины –
как сын, тусующий колоду
фоток любовников своей матери.

А он еще вытянет одну
и скажет: «вот, я хочу,
чтобы вот этот
был моим папой!»..

Мы же – девственность
нашей матери

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

как
много
было
прошло всего!
Упаковано на ладони
после издания книги,
чтобы начался диалог
трех, пяти, шестирех...
Чтобы у нас было
еще одно начало
чтобы нам добавилось
еще одно место
для еще одного выхода
и еще
одного чистого разлива
вдоха
и
для
еще одного
заново входа
а там как пойдет
ничего среднего только
расходящийся конус начала
взламывающий молчания
как одуванчик канареечный – асфальт,
не зная сомнения
когда речь идет о присутствии

* * *

полыхающая широко
словно крик нечаянной радости
лазурь
часто пронизанная как полетами осы
золотую нитью
расплавленной руды солнца
отливаемой в день

жара
тени под липой медовой словно
похмелье юношеских снов
как под высью колокольни
перекатываются парашютные колокола
и легчает от приступа ветра
словно он – парикмахер
отстригающий тяжесть прошлогодних волос
голова
и солнечная глубина
сквозь качающиеся гамаками листья
словно рябь на неторопливом озере...
вдруг роня глаза
смотришь на жизнь
сквозь розовые очки
вскрикнувшей вдали бабочки

полный калейдоскоп

РАССКАЖИ МНЕ.

расскажи мне о маленьких туфельках каблукками
цокающих о брусчатку
как язык мимолетно
касается кончиком неба (неба?)
когда безудержное «люблю»
вдруг выплывает из губ
о губной помаде – репетиции поцелуев
о баночках косметики
расставленных на ночном столике
так трогательно
как под елкой новогодние подарки
о будущем платье
облегающем словно капля
о тысячах оттенков волос
таких как: осенне-бронзовый
солнечно-рыжий ветреной пшеницы
янтарно-золотистый
о свежем маникюре – кончики пальцев
как сплюснутые бутоны тюльпанов
продаваемых по весне
расскажи
закругляя движения
округляя их в шар
так что часы стыдливо
отворачиваются временем к стене
расскажи купаясь
в моих глазах

КАРТА.

поджигая корабли мгновений
уплывающие за горизонт
чтобы осветить прекрасное далеко
матово-красные сигнальные ракеты откуда
падают вспыхивая
на моем безмолвии
полные интенсивности интенсивности
потому как от самих мечт-кораблей
вестей все равно не бывает
только гонки в лунном луче
пусть яркими факелами горячо уплывают
вот это да

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ: КАТАРСИС.

сколько из нас

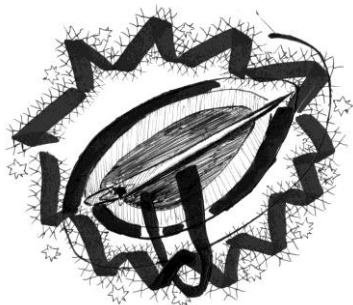
никогда не вернутся домой
никогда не вернутся домой никогда
но скольким другим
не придется корчиться
чтобы потом лежать
на этих местах, –
потому что места
заняты нами
...как много зорь
ты встретил на ветру
на бегу товарищ
– звездная ночь пустоты
грезящей о погруженной беззвездности
и ты посреди
мучительно-сладкое ощущение абсолюта сиротства
и затем – ощущение бешеной полноты

– наша кристаллизация
– наступает
да – это: дар
лицом к лицу
высокий полет
среди земли

ЗАНОВО.

Звезда: внутри себя игла

РЯДОМ, ВМЕСТЕ, РАЗОМ И ОДНОВРЕМЕННО.

быть подхваченным этим потоком людским
набирая высоту на крыльях его страсти стремящейся
его глупости его веры и вероломной истинности
запрокидываясь белкой в колесе на воздушных ямах
весело подскакивая распинаясь или
поднимаясь на потоках вертикальных
иностранных но в целом понятных слов
любуюсь своим портретом на групповом фоне
и отдавая для фона свой
влюбляться разводиться унывать восхищаться и радоваться
поминутно умирать и чаще воскресать это
божественно
как быть богом цветов
просеиваясь людьми просеивая людей
как это происходит со всеми
просто находить или находить потерю
так или этак прекрасно
по голове или нет
жизнь бьет ключом
и все – рядом
лица о лица

любить Россию любить Америку
любить Европу любить Азию и так далее
любя конкретного человечка
я знаю что ты знаешь
на самом деле знаешь
что это такое
– это – точно

* * *

Почки – глаза весны
выбравшейся из подземелий,
и землю сводит от зуда:
у нее, как у младенца – зубы,
режутся

крылья

травы,

а фонари,

словно спички,

чиркают уже об асфальт.

И, как любая весна –
эта больше, чем просто пришла.

А

фонари

говорят

то о чем молчат люди:

для нас нет еще звезд

как они есть,

для нас звезды – еще стена

зеркального света

отражающая вниз

другой –

свет нашей неприкаянной любви –

беспризорный при нас

пока

не обратим внимания

*и не узнаем всюду
так, как дерево знает лес
нашу огненную страну,
эту пламенную меч-ту
как четвертое измерение
(ведь время – лишь мера трех,
время нам как бы их вес,
первых трех – стартуем с четвертого!..)*

Весна –

это

весть.

Апофеоз искусства жидкого стекла
прозрачного
для светотрепета огня. Так,
из узенькой речки тела
искра

просыпается в открытое море
просторное как пантера
в прыжке: и во всем –

здесь.

ЛІТУРГІЯ ДІ:

* * *

сеет мелкий дождик
процеживая время
ситом пространства
в туманной ауре желтой
далекой как фара

роза тучи распускается
скользящими лепестками капель
и пальчики дождя перебирают небо
где-то
где весь

парящая взвесь
размахнувшая свет

ТЯ ИСТОРИЯ.

как ребро
лежит ресница
на ладони
оставшись
от нас с тобою
она лежала раньше
на щеке
от дыхания
вздрагивая как взлететь
и взмах ресниц
вместе на всех дорогах
отдельно на всех перекрестках
о твое лицо
как спичка о коробок
проходя

я просквозил тебя
запоздалое восхищение
поцеловать
твою тишину

твою тишину
немного сладкого
вместе с горьким
я а мог бы
войти целиком в поцелуй раствориться
угадывая тебя
утолением тоски по дому

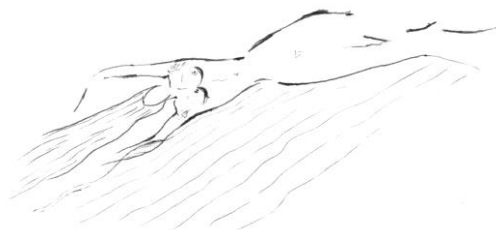
ПРАВИЛЬНО УШЕДШЕЙ.

ты жила так долго
умирала так мало
чтобы я
через много лет
очнулся
когда меня
согрела не реалистичность воспомина-
ния
а боль
горячая как жизнь
боль утраты
с обратной стороны реки
расширяя твой нимб
горячая как жизнь

▽.

девочка-сосулька
где были
твои мужчины

БОГОВО.

Ночь такая
что сигарету зажигаешь
как свечу
на
алтаре
и так
словно тебя видно
с любой точки Земли
из любой точки неба
и ночь объемлет
разговором
и ты
тоже говоришь
пока воздух пламенеюще звенит

ВЫБЕГая.

во дворе стоят
студеные лужи
не шелохнувшись
как вымытые окна
вертикально
а голые кроны – тонкие сети
трепетно облегающие аэростаты неба

вот так
а я прозвеню
первой корочкой льда
словно капель
или давно ожидаемый
взорвавшийся облегчения радостью
звонок от жизни
прислушиваясь к себе
как душ
к воде

Автостоянка.

блеск машин на автостоянке
под распахнутым словно сквозняк
неподвижно пылающими желтыми фонарями
небом луны
выбравшей на каждой машине
самое яркое место
и это
одним звуком вращается перед
словно колесо велосипеда
или великий немой
и иногда
перекатываются бренча
жестянки из-под пива
да ночь вдалеке
в матовых очках теней
и летят на застывший асфальт с сигареты
осколки сна
где все перевернуто
и небо – внизу
...блеск машин наполняет ровногладкий
квадратный вакуум вакуум автостоянки
в ожидании солнца
которое наполнит

литургия света о да

потом
подумай о том
что ты просто был тогда
когда кто-то сложно колебался
ты смотрел на вакуум и знал
что вместе с ним созревал
алхимик и атанор

Литургия Света о Да

РЕЖЬ ПРАВДУ-МАТКУ.

не на своем одиночестве я
распят –
я распят
на вашем одиночестве
дорогие мои люди
я не в силах сказать «нет»
отче дай не
спрашивать что дальше
не дай истерики
луче дай еще
рвать общую сеть
меня видели зеркала
почему некуда возвращаться
кроме как к самому себе
в тебе
ск лет ск зим

почему – потому
 режь правду-матку
 даж еси она – эт я
 ...и только березам
 маячить маньячно попеременно
 то ангелом смерти
 то ангелом жизни
 вечно а я –
 я прозрачный как ветер
 сплошные «если»
 и все
 между
 иметь в виду возможность необходимости
 ибо пыль – икра времени
 город настолько маленький
 что движения с оттенком осторожности
 и собака переходит в рыдание
 так
 и стоять на своей звезде!
 лучше острая боль
 чем тупая анестезия

ИРЭН.

– Вы словно закутываетесь в свои духи,
 вставляете себя в фигуру аромата,
 как Икар – руки
 в ремни теплых крыльев, –
 чувствуя себя тонкой, ломкой,
 пропускающей сквозь себя
 влажный свет?
 Сияющий
 веяньем складок
 звездный полог,
 ветвящийся шорох
 лучей,

тягучий гул
 родной бесконечности...
Накрываются серебром следы на песке
закрываясь как звездные раковины
и воздух
 от них
 кристалльностью льдистый:
как пузырьки боржомы,
лунный полый серп
вздрагивает плашмя на
острой как зеркало
 кромке прибоя,
и пахнет прозрачной мятой
и жизнь
прекрасна
в своей отдаленности...
Упругая линия пены
 во весь
уходящий за края берег:
обнаженно-белая
как свет из-под двери
— Я
 оставляю снаружи
лишь
 едва уловимую полоску
душистого душевного шлейфа...

ДЕТСКОЕ.

бедные дети
любите их
потому что другими им
быть уже поздно

их взгляд всегда
чуть выше вас
зрачки колеблются как нимбы
там где вы отвернулись

ПѢЗІЯ.

я не верю словам
я верю поэзии
время поэзии приходит
когда голоса перестают значить
и даже когда мы допустим
что поэзия знает не больше себя
она знает больше чем окружающее

* * *

когда ты на миг удалилась
в глубину своих говорящих глаз
как звездное небо в них отразилось
ненароком проникнув нас

от меня – к тебе
словно кто-то шагнул меж нас
от тебя – ко мне
это вместе прожили сейчас

МЭРИЛИН.

зачем с раннего вечера
и до поздней ночи
сидишь в оглушительном баре –
ради
долгого звенящего мерцающе
предутреннего пути домой
в колокольной тишине
изукрашенной так причудливо
вместившими всю радугу снежинка-
ми
танцующими над
сверкающе ледяной пропастью
угольной близорукости ночи
как newlook платья Мэрилин
на волнах воздуха из решетки
и город переливается как
танцы с бенгальскими огнями в руках

К ДОМУ.

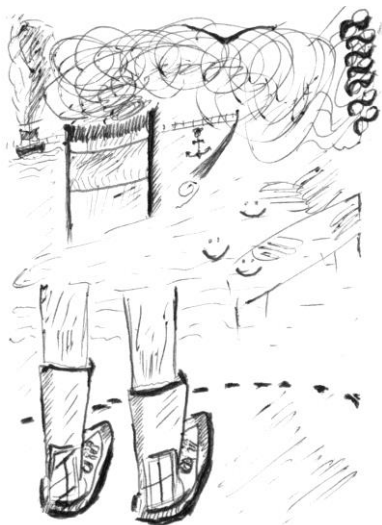
без меня мой дом
мечтает о моем
и я снова в него возвращаюсь
чтобы так или иначе
подбросить свежую охапку дров
в его следующий за мной
верным взглядом
шуршащий чутко домовыми незабвенный огонь
на котором с крепким чаем совместно
заваривается душа
зная что пока я блуждал
он не передвигал мои вещи
...он построен на моем корне
над угловатую чашкой в руках – пар:
восхищенный бутонообразный сполох
в молитвенной ауре

BVT TAK:

БЕСКОНЕЧНЫЙ.

смотришь на соседние
смех и улыбки и жесты
испытывая такую благодарную нежность
словно смотришь
с качающейся кормы
того парохода
который не отдает
но забрал все концы
смотришь стоя

* * *

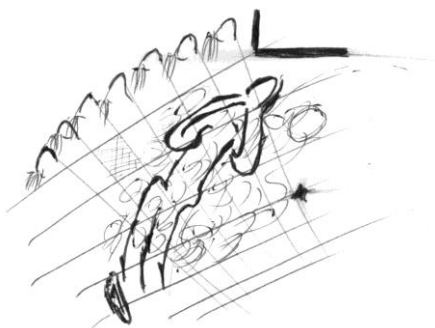
ее слегка прикрытые глаза
как раздвоенный волнами месяц
радостное внимание к тому
что говорит ей о ней

сидящий напротив возлюбленный
которого скрывают спины сидящих
за промежуточным столиком
ее взгляд
так собран в пучок на нем
что становится интересно какой – он
вдруг заслонявшая компания
поднимается и уходит
и видно
что напротив нее – пусто:
ее любимый
только в ее слегка прикрытых месяцах
во всей позе и редких жестах

А-А-А.

первый этаж, чувствующий остальные;
на улице долго и хрипло заводят машину
и мальчишка в кровати закрывает лицо одеялом
стараясь дышать сквозь сеть его тяжести
чтобы меньше доставал под порами
грустный в поникшей своей привычности
запах бензина

* * *

растоптана как след в грязи

глухонемые ангелы совести
никогда не перестанут кричать
кричать кричать кричать кричать
о том что один миг этот мир
заново не начать не начать
никогда
с чистого листа первого снега —
уже:
ее тело орало «меня можно пнуть»
ее глаза тихонько кричали «пожалейте меня»:
поздно —

еще раз
размазали последний шанс

лицо плавится как выпрыгнуть из стены

фонари раскрывают небо
исчезая в нем словно люке:
утро

ВЫСИЖИВАЙ!..

нет, не я уезжаю, —
ведь чем поезд быстрее,
тем более он: неподвижная точка, —
то мой город от меня уезжает,

покачиваясь призмой вдали...
и в поперечно прозрачном
от путевых фонарей
и полутемном вагоне
верхняя полка мне
как лететь в гробу среди звезд
с тонким как фигурное катание
свистом на параболических
поворотах;
поезд как длинен кокон
так – вперед головой

* * *

прозрачневея сквозь огня
дрова в печи
как ломаные соты
волнисто истекающие медом
жары в горсти
в то время как метель
переминается на насесте трубы и
трется перьями о шороховатую крышу
свесив раздернутыми занавесками крылья
и стакан молока за окном
где в него
жемчужины сыпятся с неба
сыпятся с неба
жемчужины снега
золотыми шарами
вспыхивая на дыхании печи
для которой человек целиком зрачок
не моргающий на тепло

ДОЖДЬ. ЕДИНЕНИЕ.

пульс,
дождь:
два дождя навстречу друг другу,
между – мембрана кожи
натянута до прозрачности:
сквозь нее
в обе стороны
словно как сквозь мелким
бисером запотевающее стекло
душевой кабинки –
один колеблющийся силуэт
как вибрирующая утонченность пламени свечи
на ярком фоне солнечного дня

* * *

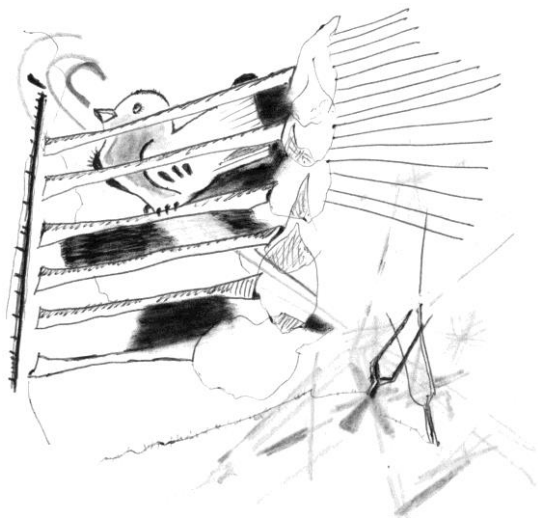
снежинки как вилочки камертонов
в морозом упругом воздухе
снежинка першит в ноздре
и снеговики едят мороженое

сучья как повисшая в воздухе музыка
качаясь восходящая выше и баюкающая
схожих с негорящими фонарями и надутых
вовнутрь теплом раздуваемым птиц

и гравюра деревьев и снега
как упаковывая хрупкие предметы
укутавшего небо и землю
прочерчивается сквозь них

на одной ветке раскрыто
как в открытую форточку видим
малиново-розово
пылает снегирь:

глубочайшее сердце зимы

ДЕВОЧКА-В-ЖЕНЩИНЕ.

девочка в женщине – так
искоса как смотрит школьница
когда женщина ласкает тебя
девочка в женщине
ей бы удостовериться
так ли тебе хорошо –
надо чтобы чудесно хорошо!

такая она нездешняя
эта девочка в женщине
что хочется разорваться любовью!..

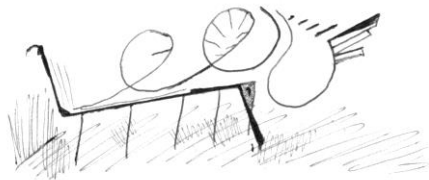
К России.

словно что-то забыл
но выворачивающе хочу вспомнить,
с лицом страшным
как ангел с морщинами –
неуловимо
как распрямляется трава после стопы –
Ты поднимаешься,
приближаясь оттуда
где не птицы – но сами песни
с ветки на ветку
перелетают,
Ты оттуда – сюда
в новом свете являешься
и морщины судеб Твоих
близостью разлетаются:
Ты теперь – приближаешься!
чтоб Собою войти в свое
как размять после гипса руку.
Эх, давно не стоял я так
после подъезда,
так веря в жизнь
не потому что не обманет
а потому что с ней един
посредством Твоего оживления,
Россия.

Росси-я. Рост-сея. РОССИЯ.

* * *

усаживаясь на лавочку в парке
ищешь такого соучастника в молчаньи
которого уход отметит порыв ветра –
тогда придет направление
куда встать

БРИЗ.

с ветвями как веревки узловаты
и раздувая между них пространство
чуткие деревья за окном
качаются как ванты и прочие снасти
парусника в момент смены им курса
видно как ветер широко свистит
нестесненно ныряя в проемах их
и тянет на улицу
прямо сквозь них
как тянет мутный дым
сквозь решето вентиляции...
тающий снег попахивает морским берегом:
плавится мякоть медуз
 разлагаются водоросли
 пузырится раковина
и проносится тающий вздох
влажно смешиваясь с прибоем
сиреневатым как туманным как спокойным...
так – восчувствуйте мой восторг вами
будьте мне еще сопричастней
смешайте меня о сообщающиеся сосуды
плывущих по мокрому ветру
струящихся далью деревьев

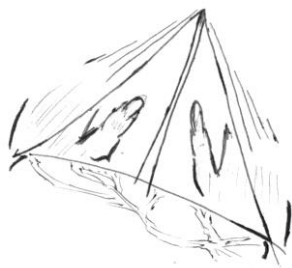

БАБОЧКА.

прозрачность цветной хрупкости
на грани бесплотности тельце
одно дуновение жизни

СЕЙЧАСЪЕ.

обожаю услышать как в тебе
хлопают двери гремят радуги
плавно сходятся все пути
и от нас набирая ход мгновение
находится нами в сейчас
где мы равняемся счастью –
ведь это и есть жизнь –
не так ли –
ее апофеоз вечности во времени
и времени для вечности
где руки наши текут
обнимая чуть больше друга
раз объятие – спасательный круг
бросаемый снова и снова и
взявшись за руки мы дельтаплан
где я план а ты дельта

СНЕГ ПРЕДКОВ.

птицы – как прищепки
на бельевой веревке – на проводах...
да два – три прутика
из-под снега
сверканием полого
и зернистого как икра...
ржавоалые гроздья рябины
в снежных шапочках кружевных...
И снег – расступаясь – светится
как лампы в коридоре –
когда наступил в родных.
И – с неба теплом летит...

ПЛАМЕННЫЕ САМОПЕТЫ:

РАЗМЫКАЮЩИЙ ВОПРОС ПОЭЗИИ.

интересно является ли
поэзия – любая –
пророчеством
о чем-то большем?
Спиной уходящей молитвы
оставившей повсюду глаза
что нутром смотрят в тебя
отовсюду – отовсюду – отовсюду?
Причем – смотрят так
что все эти взгляды
и твои тоже.
Возможность
 что это происходит
уже здесь и сейчас –
ничего не исключающее объятие
в котором твое ищущее
лется вместе с искомым
сливаясь
в любом направлении
которые не держат – но отпускают?
Бывает и так – ведь да?
Бесконечное – так что неуловимо – да...
Ведь вот так
это и бывает.

Но тогда
не является ли –
все что угодно –
поэзией?!
Аналогично.

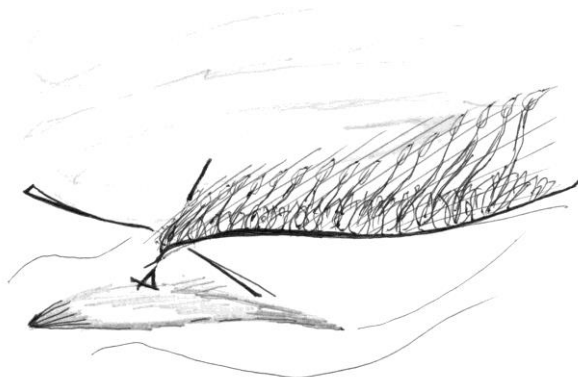
ИСКУПЛЕНИЕ.

И ночь – опрокинутое ведро
И трава – тлеющая тетива
И изумрудно-хвойная звезда
пульсацией плетет ветвей венок

И птицы тени раскрывают клюв –
колышется цепной волны разбег –
на веки блики льнут как мотыльки к стеклу –
И словно вздох проносится успех

луга бросают в небо тишину –
упавшим лепестком отходит звон
проходит сердце словно луч листву
И в землю проливается со мной –

И нить находит отдаленный свист –
И серый ветер обнажает круг.
И облаков раздутая сирень
проносит мои встречи без разлук.

ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

стоит ли ставить
ему в вину
песни горя
когда он был горлом
для крика народа
да еще успевал
подбирать аккорды
наматывая сердце
на колки
до тех пор пока звук
не перейдет в свет
оставив за ним кубический
вакуум хрипоты
как сверхзвуковой самолет
распаковавшись за голубой дымкой видимости
оставляет упасть рев двигателей
как откат запредельности
что вошла в атмосферу дыханий

* * *

улыбаться, пожимать руки,
пожимать плечами, крутиться и делать дела
чтобы поздним вечером войдя наконец домой
обнаружить себя безоружным
и один на один со своим горем
которое весь день готовилось упорно
ожидавая этого момента —
но спокойно сесть в кресло
и пригласить его за чаем
рассказать свою историю
от рождения до настоящего момента:
я, мол, весь внимание...
слушая, иногда вздрагивать, иногда смеяться,
похлопывая горе по плечу:
ну, ты даешь!..
на затянувшейся паузе развязавшись
свободно пойти ко сну

* * *

полуночные облака
словно театр теней
им во мне навстречу

УТРОМ.

открыта как вода
и волосы ручейками обегают
гладкоокруглые
и круглогладкие плечи
вытачиваемые мягким светом
бледнозолотых волн рассвета
отражаемых потолком
и овевающих с пола

босиком на котором
так что пятки розовеют
нежно как ушко
от придыханий
когда в него шепчешь
и такая
на весь мир
тишина
от этой загорающей глади

Узы.

по пурпуром расходящимся
струям восхода
мчались ветренные
струны птиц
верхушки деревьев
взбивая как пену
на ней взмывая
вертикально ввысь
внизу обрушивалась
пустота
которую тотчас
заполнял свет:
мы кольцом
смотрели туда
балансируя
на склоне лет
как машины спешащие проскочить на зеленый
неслись горизонтально снежинки
молча глядя в том направлении
мы там обретали себя
смотрящими друг на друга

ВЕЛИКИЕ.

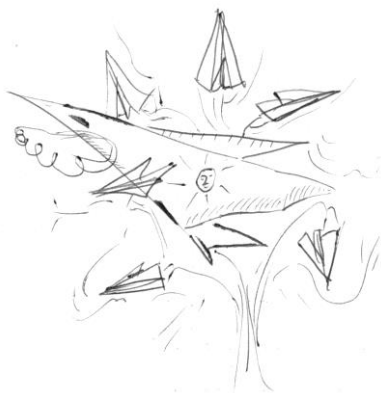
думаю иногда: следует ли
доводить слова до той резкости
когда ощутимо невидимое —
когда люди не видят и очевидного?..
Тем и были велики великие
что они это делали.

ПЛАМЕННЫЕ САМОЛЕТКИ ДЕТСТВА.

бумажные самолетики
по цветам радуги в руке
мальчик забирается с ними на
высокую вышку
и пускает их все разом
одним гибким движением и вот
их подхватывают порыв ветра
и солнце
и они летят в разные стороны
расходясь как спицы

от ступицы колеса
на одно мгновение
замирают в небе сверкая
и развеваясь
как разноцветные флаги праздника
подхваченные криком восторга
который бежит по Земле
чуя пятками как она оттого
вращается быстрее –
и он тогда тоже
бежит быстрее
ладошками махая как флажками
и цвета радуги
кружат над ним
и солнце лохматит волосы

Еду!

и лобовое стекло сквозь машину
высекает снежинки как искры
из темноты впереди
по бокам
позади

РЕШТ ПЕШТЫ:

ОТКРОВЕНИЕ.

ибо вера различает
в черно-белой ночи
глубину
черно-белая ночь заостряет
глубину пронзая ею поверхность
шара событий
катившегося по поверхности тебя:
так
поверхностность лопается
от различающей веры
излучившей возможность
в виде прямой темноты
когда разум забылся
ибо допустил неразрешимость
что дало вере шанс
показать через ночь
полноту без содержи-
мого
которую любовь помогла
не принять за пустое

* * *

тень дрожит колыхаясь
как палатка от ветра
словно ее унесет

ну а ветер – сметает с ветвей
протяжных как перила моста
сверкающую пыль безмолвия

оседающую вокруг тебя
словно мучнистый свет
под качающимся фонарем

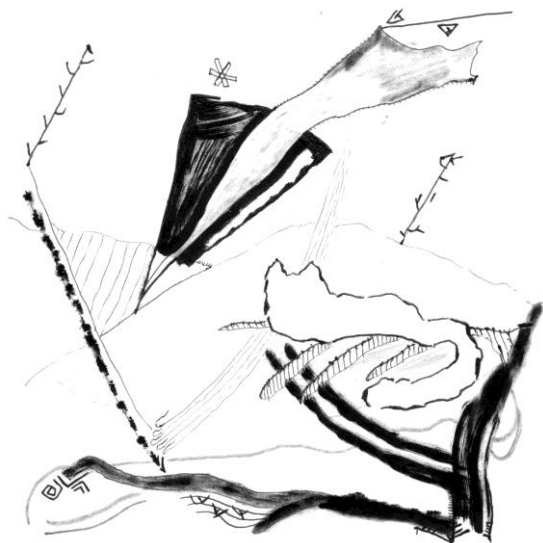
только снег
на ботинках
скрипит цикадой мороза

на той ветке застывши
персидскою кошкой
подобравшей под себя хвост

не переходя границы
нагибаясь метель
бреет поле

на котором расправляешь взгляд
как свежую простыню
на постель

за ним следом
по полю
уносится тень

Лии-ня.

вот, смотри: стайка птиц
взлетает салютом весны —
лете-ли —
над крышами,
и тучи идут словно льдины, покачиваясь
в разломавшей лед и понесшей
его
быстро-быстро
к большой воде
пьяной собой реке —
вот
между их перестук
что голубая
молния
разъясняется
умытое
небо прозрачнополное —
словно бы вдалеке:
лии-и — поет — лии-ли —
а потом
кружась в ширине луча
это будут —
вон, там —
мелкие легкоперые
облачка —
как бы пеной
от растаявшего в пух
льда —
на —
на горячем дыхании
синеглазого озера
захлынувшего края:
лии-ма —
такого промыто-спокойного
что ты отражаешься в нем
совпадая всем существом.

Дя.

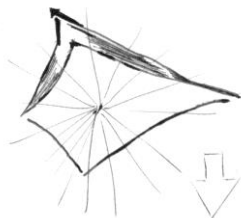
посмотри в мои глаза –
как в них
сплавляются осколки
стольких тысячелетий
чтобы лечь в фундамент
еще одной любви
как в фундамент
новой цивилизации –
нам снова наследовать землю
со всеми ее небесами
в полноте ее красоты –
значит, да

тенью скоростей
проносятся авто
и зыблется вслед вода
как дорога
становится снова потоком:
нам, уцелевшим –
земля легка

МОМЕНТ ПЕРЕМНЫ ВЕТРА.

поворотная точка
момент перемены ветра
когда ветер остановился
и ничто не имеет над тобой власти
а одно твоё движение
проложит курс будущему
пока же пунктиры натянуты
во всех направлениях
и ты знаешь: что потом целиком
и полностью не возвратно
все изменится, сейчас же
ты пойдешь по коридору
а за спиной
аплодисментами призраков
будут закрываться двери
схлопывая комнаты
о чем
ты не имеешь понятия
но главное
будет ощутимо с тобой
доколе не пристаешь к эху
которое на голос текуще
кривляется тенью как ртом
потому что дар зреет
именно от безответных шагов
и внутри, и по,
и во
неопределенности

СОВЕСТЬ.

приглушенная,
как шторами утро,
музыка,
все – прошло,
а душа идет в ванную
и открывает все краны
чтобы не слышали
как она плачет:
и плачет.
Громко шумит вода
и запотевают стекло,
которое называется – слезы:
лопнувшее зеркало
размазывается по щекам,
и отставшая чешуя
блестящим ворохом
скатывается к ногам.

ТО ВРЕМЯ К Е. В. К.

в предпоследнюю встречу
похорони меня в своих руках
я бы сказал
если б слова
имели значение
в последнюю встречу
что еще ждет
и понимание придет
верней – настигнет
среди суеты...

и лишь потом
спустя годы
случайных связей и алкоголя
на дыхании солнечного воздуха

станет ясно
что и так – сама по себе
любовь уже тогда сделала
то время: вечным

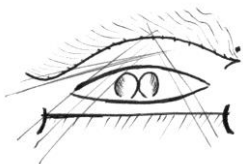
и для совершенства случившегося
что ты, что я –
даже ты и я,
идущие навстречу –
только пределы

над которыми мы: улыбаемся
как будто говоря: чего еще!?

НА КРЫШЕ.

столько пролетов пройти
чтобы иметь возможность раз показать
тебе
одно мгновение,
о, это того стоит:
как падает капля
сияя
как ночной мегаполис...
падает глубже – тишина хрупкокругла
как седой одуванчик –
чуть тронешь,
и разлетается...
пока жизнь продолжается,
посидим поговорим глазами
как сквозь глаза ангела
пролетают звезды,
пока перемены – вещь временная,
а мгновение
длится
растягиваясь на нас...
урок искренности от «искра»,
смотри смотри вокруг
как ты права в сейчас,
что красота кругом
пространство в нас
испещренное судьбами...
поэтому разденемся губами до души
до света и воды
и незыблемой простоты
здесь всего

АВТОГРАФЫ.

на сугробах волнистые словно кони
автографы ветра
как
 он
 их
 обтекал –
оставляя волосы
как на расческе

* * *

улицы всплывают из снега
как острова прошлой жизни
ограняясь в алмазную ясность
а что нового –
так это возможность
вновь прозвенеть каплейю
словно гитару несешь
чьи струны
звонят от ветра
как рельсы в приближение трамвая
а сама – как скворечник
качается
в синих лентах:
что с того,
что все было – вчера?!
и синеватая тень обгоняя
по-собачьи
рвет поводок из руки
и – добрый знак –
теряется из виду...
пока каблук
сам по себе

жнет льющие лучи
я подсматриваю – слегка –
как водитель
в зеркало заднего вида,
я не помню слова.
Я забыл как замерзает
горячая вода и трескается батарея.
В мои поры
проходит, гуляя с лазурномолочным
щенячим облаком, солнце.

ВЕКА СЕРЕБРА.

зубцами подобная пшеничному колосу
крепостная стена
изгибаясь вперед как туман
продолжается скорей чем в пространстве
в других временах
так что сам туман вьется
вдоль пружинистых линий
как от поезда пар
а цвета птичьих гнезд
и героические как рост дерева
кровли башен
простотой сравнимые
со сложностью кружева
давно стали формой неба

ЧИТАТЕЛЯМ.

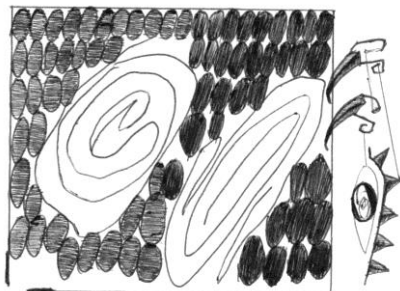
эти слова есть то
что я отношусь к вам
оправдание соучастия
и свидетельство необходимости

ДРЕВЕСНАЯ ТОСКА.

все мы немножко деревья...
когда без особой надобности
спиливают живые деревья
такое чувство
что из них будут делать плахи
oooooooooooooooooooooooooooo
обнуление пространства
пни: ноли ноли ноли ноли
висят в искусственной пустоте плоскости
и остается лишь поднять
веточку
как сердца трещину
все что осталось от дома места
втопанного в покатую раковину небытия
дети и алмазные когти
чтобы не скользили
на стеклянности пустыни
спиленных зрачков
oooooooooooooooooooo
ведь все взаимосвязано
и словно нулем
подошвы прикован

смотрю в пустую как черный раму
ибо вместе с деревьями
выпилили отсюда свет
стоявший здесь столько моих лет

ВЕТКА МАРТА.

ветка мимозы –
солнечных зайчиков комы –
бросает в глаза – сверкающими –
как озаренную теплую воду ладошками –
горстями –
словно пригоршнями монет
летающими звеня лучами –
щедро падают прямо в душу –
исторгая – искры –
молодых восторгов
и объятий миру –
как сама пушиста, пряность марта,
желток, поющая канарейка

ТАЙНА.

ночь — объятая белым пламенем
облаков
которое перекидывается
через меня
с севера на юг
вдоль пути
наклоня березы
точно яхты в заливе —
обнимает и меня вместе с ними:
прорубь без-дна
которой развевается
синяя лента —
как небеса
становятся все шире —
необъятно-прямые —
в меня —

८-१५३८

самолет в фиалковом небе
самолет обычно белый выхлоп которого
сейчас розов
от малинового заката
на желто-оранжевом фоне
и под тем же углом
рядом с ним – другой
такой же но дальше
что уж вовсе неповторимо...
судя по выхлопам,
у каждого – три турбины;
и пересверкивание их сигнальных огней
рассказывает о том
что близок аэродром
и скоро пойдут на посадку
где-то севернее...
вот они исчезли над эскизно разлапистым деревом
и струятся уже
над проводами

САМОМУ СЕБЕ.

никому не нужна гениальность
но прежде всех – самому тебе,
как никому
не нужно бессмертие:
смертным – им значит больше
память таких же смертных,
бессмертным – им бы
умалиться
под
или приподняться
над
известным вечно;
короче – зрячесть слепой любви
банальность и – знаешь
в глубине души
будь то золотая ночь Христа
или серое солнце, плевков,
кроличий снег,
феномен зайца покрытого
капельками росы –
ты все понимаешь;
может – жучок переползает асфальт
мотылек журчит
ангелом-хранителем над ним;
струится хор светил;
пять ноль-ноль
первый алкоголик спешит в ларек;
нирвана вровень с нет слов;
тебе снявшаяся прошлая боль
и радость из-под всего;
короче – и ты
находишься: сути стык
который движется
когда и происходит в сердце

БОЛЬШЕ ЧЕМ ДОМУ.

спасибо тебе
деревянной твоей щеке
с бегущей моей слезой
как воск по свече течет
перевернутым отражением
как карабкался по тебе
мальчишкой к своей звезде
и подсаживали яблони перед тем
искорявясь из костра времени
пусть бы на гроб себе
от стен твоих по доске
те же звезды
заместо гвоздей
пока же – домовых перенесу
в коробочке из-под спичек
ты был рекой в моей судьбе
под подушку тебя положу
шебуршишь ангеличек

КРИСТАЛЛ МУЖЕСТВА.

несколько фактов,
в сумме дающих:
я – это боль,
боль – это я.
Я извернусь еще
потанцевать при свете,
и упасть, словно пьяный матрос –
головой к своему кораблю.
Боль моя – обойми меня.
Где же ты,
если ты везде – я?
Боль – рождение в муках
из себя тишины...
Вот я и вернулся:
не обошел стороной
то что хотел
просто пропускать
вперед свет –
так и
упал
высекшись искрой
«вос-кресало
он – воскресал
а мы – его вера
в нас-С-стал – СпаС наСтал»
как поднял кристалл
поднял кристалл.
Я жизнь подберу.

МЕМОРИАЛ.

с легким и мягким стуком
как приземляется жук
упала снежинка
на мрамор

как магнит
память не движется – она двигает
и следы сливаются
словно ртуть
по формуле $I+I=I$
вычисляя путь
отечество мое – в моей судьбе
я выдыхаю как хочу вдохнуть
 $I+I=$ суть
ели – дым...
родной
с ним
как половина
мира
белые хлопья ложатся на землю
как лебедь
прячет голову
под крыло
мрамор о
жизнь + жизнь = жить
 $I+I=$

Мы.

тоска подобна рукам слепого
ощупывающим лицо

мы подобны рукам слепого
ощупывающего себя

как маску
под которой глаза

тоска нашей любви подобна глазам
нащупывающим лицо в зеркале рук

мы смотрим
друг в друга:

что мы видим?
то же самое,

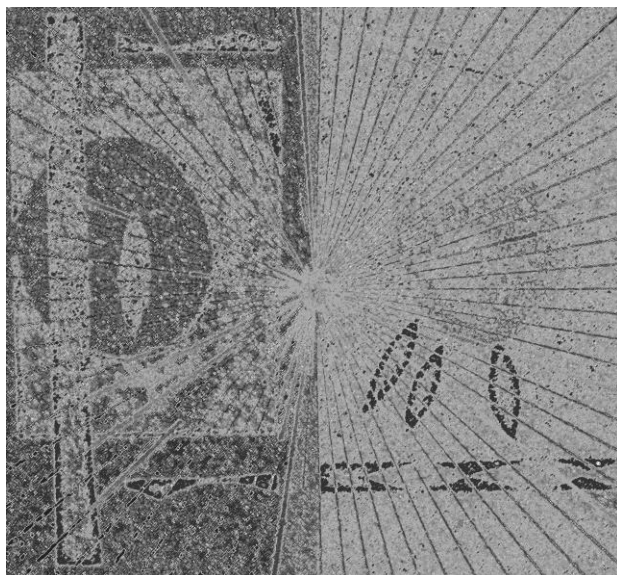
но: наоборот —
и в этом наш плюс!

шарообразность куба
квadrатура круга

и наша любовь подобна
прозревающему нас лику глаз

глаза: волной находят нас
любви без тоски подобны

: то что можно вспомнить
только вдвоем)

* * *

поднимаясь по лестнице
молча мимо проходит
алкоголик-афганец
из тех семи
что остались от батальона
в живых
покрывающая мужская спина
семья
тельняшка как титры
бежит под ним
и сквозит горячо и горько как тот орден:
жена дочка сын
жена сын дочка

СТАК:

АПРЕЛЬ.

дома висят как балконы
над улицей плывущей в море
деревья-парашютисты
дожди-парашютисты:
асфальт рассматривает небо
в увеличительные стекла
луж
и ветер косит
колосья капель

ВЕСНА ЯПОНИИ.

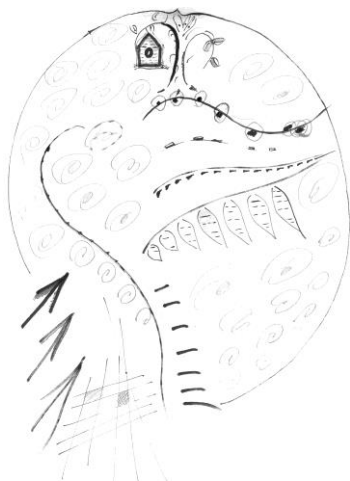
Великая беда Японии.
Великие слова Японии:
нашей солидарности хватит:
будем делать
из трагедии – счастье.
Эти слова
каждый японец
находит в сердце
как новорожденную дочь
возле умирающей жены –

так катастрофа разделила:
на «до» и «после».
На ладонях ветров
и на стыке огней
друг другом стоят японцы
держа страну восходящего солнца
на глазах у сакуры цветущей
в реальном времени
свободном от прошлого и грядущего.
И делают счастье. И девочке тепло.
И в девочке — светло:
проглядывает мир:
на острове мы.

ВОКЗАЛ, МЫ И СКВОРЦЫ.

сначала ты оглядываешься назад —
но те фонари
что тебя вели — привели —
там уже не горят:
там стоит крепко ночь
как выключен телевизор
и птицы повисли за проводами в небе
как выключен вентилятор —
крушение повседневного смысла —
и как жалюзи — ограда.
Тебе туда
уже не надо —
огромный гул серебрясь стоит.
Гул с вокзала отходящего поезда...
как эхо шелушится с колокола...
раскачивая воздух
так что сердце горит возможным
как метеор — под углом
лопастью, зеркальнокосым крылом —
в плотных слоях атмосферы:

путь от сдувающейся лопнувшем шариком
теперь уже пустоты
до рук моих наготы – просто-ты.
Ты оглядываешься на меня:
поезда идут из ниоткуда в никуда
(пока звезда автографом прочиркается – главное
нам успеть! загадать желание).
Я оглядываюсь на тебя – значит
звезды все
будут здесь
ведь прилетели же уже
скворцы: торчат из сквозного дерева
как семечки из подсолнуха.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
развенелись, в беспредел несерьезные!
звонят колокольчики
нам

* * *

тонкий месяц чертится в небе
как белая струя от истребителя
делающего воздушную петлю

СТАНСЫ НИКЕ ТУРБИНОЙ.

Прости – здесь прямота до сих пор
предстает в виде острых углов

как твое сердце
в тебе не умещалось

в конце концов благодаря – тебе
мы снова вправе произнести: чудо
нас посетило. Мурашки по коже

так что не скажем: так бывает
но осознаем про себя: оно нас посещает
навсегда оставаясь. Спасибо.

*Любить исподтишка – глупо?
Но где тот угол?!*

*Умирать за спасибо – глупо?
Но умирают как любят...*

Теперь ты вправе
сказать: мы были гвоздями
на твоём кресте

будущего.
Но ты – промолчишь...

*Сжимал слезинку детский кулачок
как ромашка твой последний лепесток...
этой слезинкой – были мы и весь мир.*

Ос-стальное – детали
которые промолчали! Как всегда.

Ты знала что делала
когда спешила записывать

чувствуя себя в истории человечества
как дома: только у себя дома
бывает так одиноко неразделенно

спасибо что согласилась побыть здесь
Никой Турбиной предчувствуя что: пока только зрители.
*Зато теперь ты знаешь что такое слова:
наоборотная сторона смысла – и попытка
пригубить тишину. Свист бабочки. Свист ники турбиной.*

Что касается меня –
я рад по тому же поводу
что написал о тебе: *ты везде.*

Везде простит что мы имеем до сих пор
лишь «прости» и «спасибо»...

Да любовь
Ники Турбиной.

ОНА БЫЛА
ПОХОЖА НА СТИХИ

* * *

горячий луч солнца
сквозит по улице
сквозит прохожими
зажигая улыбки
покачавшись и расправившись
срывающиеся с губ
и трепетом летящие вслед...
некоторые –
зависают
радостно трепеща
в живом воздухе

* * *

привет, новостройки окраин
запускаемые в космос
в надежде
что инстинкт жизни
победит энтропию
пока камешек вылетает пулей
из-под носка ботинка...
здесь не хватает только колючей проволоки
и надписи:
«через тернии – к звездам!»
я поднимаю глаза

Чай.

как пар чая
сливается с дымком сигареты
необъяснимо!..
заварка плавает в чашке
кроной дерева пронизанной желтой ночью!..

(И ложкой подобной капле
размешать сахар
как вороша костер
в июльской ночи —
размазать по воздуху
его кленовые языки.)

* * *

остатки снега во дворах
просвечиваются словно облачка
как взять и улыбнуться
в маленькую жизнь

К. Е. В. К. Д.

все что осталось от нас —
созвездие Большой Медведицы
на которое я смотрел
мечтая о тебе
но мы
насколько я помню
так и не посмотрели вместе
но ты
 так близка мне
как покалывает в кончиках пальцев
так что даже не скажешь
как это ни странно
что мы
были в чем-то не правы
не понимаю — но факт
что бы с нами ни было
есть *это*
и когда нас — нету
гуляет оно, *наше* где-то
«после мы» —
факт — гуляем вдвоем
на основе «мы до»
и чаек бумеранги
между берегов
ибо нет пределов
красоте никакой

МАЙ.

только дети
могут держать
солнечный лучик
как леденец
на ладошке
пока лучит как чистит перышки
развернув оперение-спектр
так что личико – зеркало радуг
в разные стороны
только березка
тонко трепещет листьями
как мыслимыми ресницами

С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!

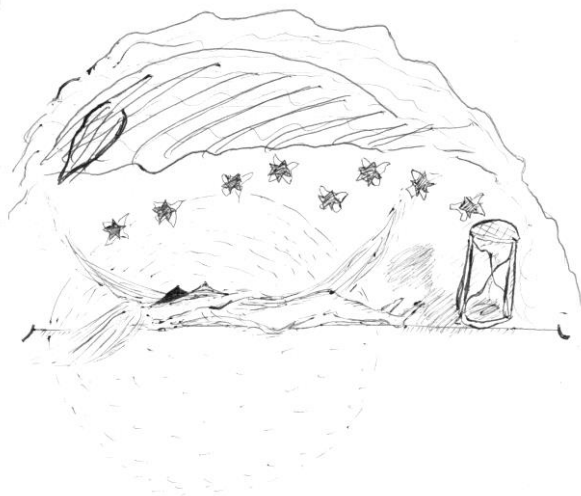
спасибо что я видел птиц сверху
раскрытыми словно зонты
с моего этажа
спасибо за каждодневные чудеса
и мои 25
отправившиеся летать
с той высоты
которую спасибо что
с радостью могу
сегодня назвать: просто так –
да, вот так!..

ΒΙΧΙΟΣ ΠΕΤ:

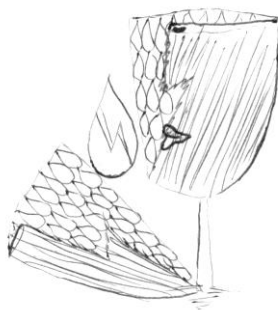
ВЕЧНОЙ ЖЕНСТВЕННОСТИ.

Солнечная пустыня
песок
шуршит сквозь тебя
— да
песочные часы имеют форму восьмерки
8
их время от времени переворачивают
меня меня и пустыню местами
вместо меня
и
перекати-поле
свистящих тобою звезд...
знаешь
я не знаю
где я сперва проснусь:
в тебе
или в твоей колыбели

А ДОЖДЬ КАК НАДЕЖДА...

...первая хрупкая капля
упала
звонко
словно хрустальный
разбился бокал
– На счастье!..

ТАНЦУЮЩЕЙ СКВОЗНЯКОМ.

каждый твой изгиб –
поворот зеркала
в котором вспыхивает
одна из черточек
твоего лица
гранью лика
которую ты переходишь
танцем
как босиком по нервам подобным траве
оттуда – сюда
...поворачиваются зеркала
танцует голо(я)ва
а за стенами клуба
звезды разбивают ночь
как – окно

...ты чувствуешь себя: сквозняк
и каблуком
как будто бы стираешь
в поро-шок
битое стекло: танцуй еще!
Твои глаза поджигают
свое лицо
вдохновен-но!

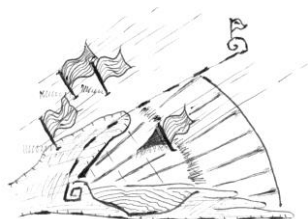
ДЕРЕВЬЯ ЛИСТЬЕВ ЗА ОКНОМ.

к ночи
деревья поворачиваются
всеми листьями
спиной к темноте
лицом к солнцу
и – пока спишь
кисти листьев
порхая раскрашивают
твои сны
доноры они

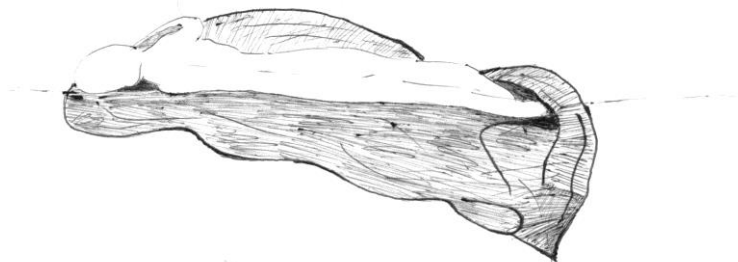
переливают чудо
пузырься на тишине
стены покрытой желтыми обоями
мечтаний о таком избытке сил
чтобы пол-часа
ворочаться в постели
под листьями: запели

СТРОКИ.

Строка
врезанная в века
как горизонт...
Но есть строка
которая сгорает
как миг сгорает,
плечом к плечу
идет с ним вместе
и осыпается в мгновенную ладонь
и с нею
осыпается
из солидарности...
Итак – мы уходим
как флаги праздника
который – неизъясним.
По нам – пробежал
наверняка
строки – линия

в темноте
ловить твои губы
словно падающую звезду
чтобы утром
увидеть тебя целиком
спящую вытянувшись
вдоль легкости солнечного луча
прозрачную как дыхание

МАЙСКАЯ ГРОЗА.

листья бьются ломаясь надвое блеском
как рыба в вытаскиваемых сетях:
солнечный ветер и –
упрямство дождя
который льется словно хочет услышать
что у него внутри
как арфа крылом стоит
и струны – стаканы света
расплавивши хрупкость:
струятся
струятся
струятся

– и как будто все про нас
как стоит одиноко красота
мечтающая о глазах
– туда

ШЖК.

одуванчики – отраженьями солнца в траве
бегут под ноги когда поутру
бледный розы бутон
бьется так что немеет
от скворечника до забора и назад
звонкой прохладой взлетающий сад!..
бьется – спеленутым мотыльком

бледный розы бутон
бьется спеленутым мотыльком!

ВЕРНОСТЬ.

все то
что так хочется рас-сказать
да но
рас-сказать без слов
я пишу
на бумаге как на белой волне
то есть на воде
и ухожу
в изнанку света – в
правую
темно
ту
Слышишь? – шорохи звёзд

В ОЧКАХ ДЕРЕВА.

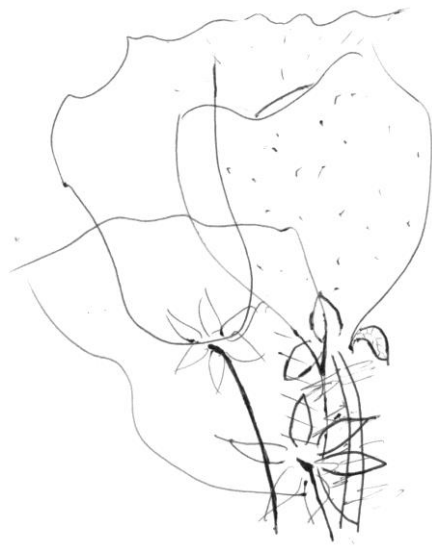
сучья как лосиные рога...
прислонившись к стволу
словно к стенке
лифта, едущего
с первого на последний
этаж,
раскрытыми лопатками прильнув
чувствую вибрацию неба
и как волнуется солнце
а багровозолотистые складки коры
словно выпячена губа
задумчивы от себя
как створки раковин
пускающих пузыри...
заросли заросли дремуучие лопухи
моя кожа открывает бегущие глаза
как ресницы ветвей стекловидно дрожат...
сквозной дрожью
повисла
малахитовая стрекоза
где-то внутри

лунная дорожка перед Луной
как пешеходная «зебра»
перед красным светофором
которая вдруг вскакивает
живую лоснящейся зеброй
в старинном веселом свете

закрывшись и изнутри светясь
эти маки в полоске вечера качаются скрипя
как бумажные японские фонари
ало раздуваясь на ветру
ведь там происходит
первая брачная ночь
пестиков и тычинок!..

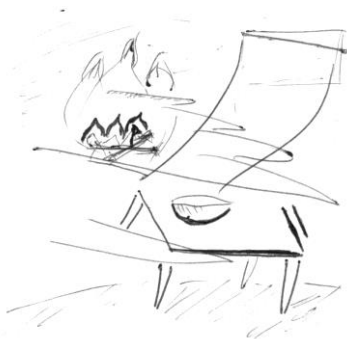

* * *

солнышко в глазах полощет радугу
я скатываюсь слезой радости
по машинам теку по толпам по городам
и особенно по тебе
река не течет назад
теки теки моя слеза
как с нитки жемчуга летят
тебе все можно что нельзя
солнце вылизывает города
потом нам город наливает до краев огни
мы с тобой алкоголики их
красота

ОПРЕДЕЛЕНИЕ АНГЕЛА.

ангел подобен
занавеске в кухне
которую ветер
сквозь открытую
форточку
дунув качнул
по направлению
к плите – очагу...
занавеска летит над столом
словно Божья ладонь

ЯСНЕЕ ЯСНОГО.

Блеск снежинки
как повисла паутинка...
О, снежинки-блондинки!..
Вы пронзительны
как пронзителен смех лунных девчонок
в которых нет прошлого
вылетающего невпопад
как вы –
влетевшие
в май из головокружительной зимы

словно закладка
из снятого с полки
наудачу раскрытого тома:
или, как тучи – декабрь,
осыпает

мозги
алкоголь.

Стой!
..Когда я распался на атомы,
они сложились в любовь. В
балет снежинок
на
волнах духов.

От всего остается – Бог,
то есть то
что знает как я любил вас:
снежинки, девчонки, блондинки...
Моя жизнь была – секс
с образом прекрасного.
§.

§.

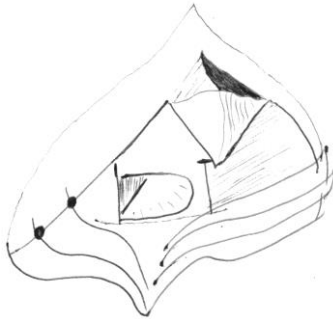
*Ее теплестый дождь.
Ее снежнестый мех.
Ее солнечный свет.
Разве нет?!
Ее двойственность –
переворачивает.
Мое преобразование.
Жар лет.
Есть выход через конец
благодаря ей, вдоху,
выходу как: входу.
Над пустыней –
рассвет*

*без
лет.
Хорошо когда она – есть.
Лето лет.
Лето без лет.
Ее – лето:
мое потому что ее.
Хвала Ее за все. Благодаря чему.*

ПРЕВРАЩЕНИЕ:

КУЛЬТУРА.

культура – это способность
говорить за умерших
генная но применительно
к духу
цепочка
передающих факел
веков искусства
как «я» размыкается и
возвращается изначаль-
ное мы.
мы есьмы.
Так целое говорит.

МУПЛИТВА ПУЭТА.

объективности
мне не давай
ибо объективность –
справедливость Твоя,
а я
прошу для них –
одного –

Милосердия
Твоего!..
Поддай – красота!
Хочу
здесь
Милости,
ибо существование
не окрыляется
справедливостью!..
Только Сердце мне мило неисчерпаемо.

САМ.

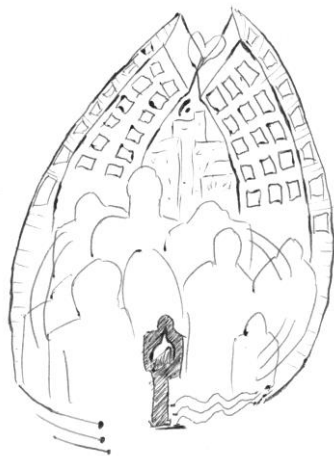
каково будет
оставлять эту землю
неблагополучной, рассерженной, злой,
только потому
что я не смог
сделать все
за других?..
Душа горит.

МОЕМУ НАРОДУ.

мой народ
закопай меня в себе
чтобы я пророс в тебе
закопай меня везде
мой народ мой народ мой народ
а потом
осторожно как пробуют кромку озера
с ореолом звезды гладью сжогого
ступай в меня
открой меня в себе
как во вздрогнувшей внезапной тишине
которой оборвался звук
наткнуться на сердца стук
мой народ
это сердце твое
стучит стучит стучит
шероховатая вода

твоя
родниковая тишина...
единственный мой народ
ты корень родника
спасибо что закопал
тихих ангелов дождь
твоя это дрожь
но найди меня

СТАРИКИ ИДУТ.

Гадает пусть листопад.
Зачем вмешиваться?!
Объятие рук.

ПОСЛЕДНИЙ ЧАС.

птица в небе
трепещет всеми перьями
синевой звеня
как
 мишень расщепив
долго с нею дрожит
стрела
пронзительная как тишина
уже без меня
так
а когда мы ссорились
то есть сорили **помнится**
полоска света на **полу**
сияла ярче всего
а раз так – то **поднимем** бокал
еще раз
еще один бокал
бокал неба
как Воланд – за бытие
покуда птица звенит в необъятность
струится бесконечным спасибооо
разбитый
 хрустальный
 час

ХРИСТОС.

говоря проше
Ты как все любящие
просто хотел
быть со всеми-всеми нами
и фигура распятия
есть фигура объятия
когда что за спиной неважно
ведь счастливые
 часов не наблюдают
пока любовь не кончается
а Твоя не кончается
и Ты знал
как все это действует
имея в виду
нашу вечную жизнь
когда что было между растворится
а мы и не заметим
и одно объятье
последнего с Первым
вдруг станет тем
чем объятие и было втайне:
объятием
всех со всеми

* * *

с той стороны
мотыльки липнут к стеклу
как ветром кинутые
осенние мокрые листья
а здесь желтый свет апельсиновый
и качается лампа
так что свет
дольками раскладывается на столе

а в тенях затаилось пространство
и четверо людей за столом
включая меня
как четыре стороны у света
подобны эху
и это ощущается нутром
поскольку руки на столе
и общий – стол...
потому-то и манит взгляд
сквозь распластанных мотыльков
наоборотностью схожая
с рентгеновскими снимками
в кабинете врача
что мы по очереди видим себя
изнанкой
того что вокруг
с той стороны
тишина
и все что угодно
уже готовое
и мы
как будущее
насквозь распахнуты снаружи
...и как во сне
видят себя
со стороны –
веранда плывет в ночном забытьи
прозрачна
словно вся она лампочка,
изнутри

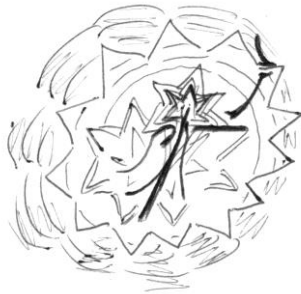
Дорожное.

звонят рельсы прозрачные рельсы
а облака провожают
и куда бы ты ни приехал

облака
 всегда провожают
поскольку облака волны неба
у них
 работа такая
а звезды как втыкать флажки
на черной карте
все места где ты хочешь быть
отмечая легко и сразу
для свистящей дорожной жажды –
находить их на тех же местах
дыша легкими промежуточных станций
когда «между»
счастливо совпадает с везде
при том
 рельсы
 продолжают петь
о безмерно большем
которое не найдется в поиске
никогда никогда
не обернется концом
но находится с тобой в пути
где
 разлука и встреча сливаются
как две
 капли воды –
второй
 родной
 город
и третий
 родной
 город:
здесь проезжал вчера твой друг
сегодня – ты,
так что если
увеличить скорость до световой, –
чтобы огни поездов

слились в один сияющий поток —
получится мы
фрактала звезды
а сейчас

 барабаны внутри
и рельсы блестят в ночи
как водосточные желобки
по которым течет серебро
поднимаясь в гору

ЗВЕЗДА И Я.

звезда
я был тебе окном
для ночи

звезда
ты для меня была окном
куда-то ближе, зв,

мы были
напротив друг друга, а теперь
смотрим в одном направлении...

звезда
мы стали по одну сторону,

а напротив теперь – только **ДА**

**З
В
Е
З**

**Добровольский
Александр**

ДОБРОТА.

вдруг вспоминаю

доброту ко мне людей
случайных мимолетных
как будто кто-то смотрит
синими и тихими глазами
прямо в душу
нащупывая в ней
улыбку,
пролетевшую губы тех дней,
свою тихую улыбку,
как выход для правды жизни
наружу –

чтобы показать ее мне –
и я улыбаюсь с ней,
изнутри выходящим теплом
снаружи согрет,
а тихая улыбка,
синим глазам,
возвращает свет
в полете умножаясь на мою
так что воздух
словно тайный поцелуй
и находит людей рядом
уют,

вдруг,

как доброта не совершает круг –
но ищет раствориться в мироздании.

от людей
остаются вещи
как диктофоны
со спрятанным голосом
который включается
едва касаешься
и рассказывает
как все было
на самом деле
встав во весь рост
словно костер
из спички
а иногда
люди оставляют места
которые
рассказывают себя –
там ночью
дикие камни
столпившись
курят взятяг
тени прошлого
так что утром
туман звенит
и открыт
какой-то тайник

и покачивается
ребром
мотылек
с ястребиным крылом
как знак превращения
в пространство – времени
и тянет к лучшему
в таких местах
где и точка –
всего лишь
знак.

ТИШИНА.

красное солнце
словно шапочка дятла
мелькает сквозь хворост
а стук
дает мое сердце
словно стучит отту-
да
и темнорозовая струя
шелестит
как вино
в сердцебиенье моем
пока я крадусь к нему
словно оно может
упорхнуть в сосну
и шаги
приглушает хвоя
как душа моя
дыхание за-
тая
охотится за
тишиной
пока та
не догонит ее...

мгновения
становятся волшебством
пролетающе фиолетовой
полосками меж гаснущих
оранжево стволов
шелковой тени –
и будто она – перья
хвоста дятла
разошлись книзу веером –
но
как играть в прятки
подглядывая
сквозь пробитую ладонь
красное солнце
словно осенняя крона
мотается впереди
и видно надо остановиться
чтобы расслышать
неизъяснимо
милое

ΠΡΑΞΕΙΣ:

ЛЮБИМЫЙ ПОЭТ.

прежде всего
Данте говорит о том
что твой любимый
поэт – это тот
которому ты доверяешь
вести себя до последней черты
и дальше
ибо кому и доверять
как не тому
чья дорожка протоптана так
что давно превратилась в лыжню
где одна полоса – это жизнь
другая полоса – это смерть
а он сам – точка сборки
где бы ни находился
а значит позаботится о тебе
ведь вопреки расхожему мнению
не он является твоим наследием –
но это ты
наследие его

* * *

поклониться этому дню
ибо радость взбегает прямо туда
куда горе ведет
окольными путями
и ручей – жидкие колокольчики
и солнце – скульптор света
и цветы вблизи неба
словно губы – крылья поцелуя
и гений искренности
неподалеку

ОБЩЕНИЕ.

главная проблема – это общение
время не примыкать к знаменам.
Меня мало волнует
Святая Русь.
Меня мало волнует
твоя страна.
Меня мало волнует
религия.

Меня волнует
сможем ли мы,
конкретные мы с тобой,
найти взаимопонимание
понять друг друга.
Ибо от этого,
только от этого —
зависит все остальное.
Время не становится
под знамена —
но понимать!
Попробуй, произнеси
слово:
че-ло-век.
Вот что меня волнует
(ведь понимать, например,
этот мир,
или уметь им пользоваться —
это все-таки разное).

* * *

солнце как задние широкогорящие фары
машины
удаляющейся по автостраде
сквозь вихрь пыли

закат — спидометр
и стрелка
трясется от скорости
как в будильнике
который давно гремит

поминая Камю
красота — это вечность
которая длится — миг

но это только начало —
Дома и Щедрости,
апофеоз
Нежности, Даль

ОТВЕТ НА СМС.

А настроений за день много,
С одной стороны,
С другой — таким, каким был до,
Я уже не буду,
И долго призраки мне будут
Являться по ночам,
И мой собственный —
Между них...

Меня не простят. Я не прощу.
Короче – это моя жизнь.
Не больше. Остается
свобода зеркала, завешенного тканью –
ввиду выбора
из двух зол, черной.
Боль и стыд
тренируются умирать – дабы уступить
место
 чужой
 надежде.
Слишком много было ожиданий.
Теперь – слишком много «если».
Как жизнь после смерти
под тем же солнцем,
которое каждому светит.

КАК БЫ ТО НИ БЫЛО.

как бы там ни было
что бы то ни было
нас все равно
ждет долгий путь домой

долгий путь домой
как

 во весь

 рот

 неба

орут стрижи
как бы на роликах
нарезая круги

РАЗРЫВ?

любой разрыв оставляет запах больницы –
сомнение от которого уворачиваемся –
что трещина изначально пролегает в нас –
но это трещина купается в своих иллюзиях

в конце концов

все

остается

так

как есть:

цветным, лучистым...

ведь связь не прерывается –

лишь линией сворачивается

и шелкопряду подобно

прядет себе узорчатый кокон

вокруг своей же точки

или запятой

(трещина – вспышка под веками

глаз призакрывшихся

от слишком яркого света

мира которого не было)

сплошного мира

единственного мира

МИРОВОКАЯ.

между верхним веком

и

нижним веком

застряла и встала

мешая,

глаза

закрывать

мироокая
ходячее благословение трудов
словно озеро плывет
пылинкою в космосе
пирамидальной каплею
поет облако

Ее облика
расточая дары
все более тонкие

СНЫ.

если быстро вскочить
прежде чем проснуться –
успеваешь догнать свои
сны –
и в новый день
шагнуть сквозь их
водяные двери
как в новый мир

КАПИТАЛИЗМ.

Твои чувства были
как деньги в банк
и жить на проценты.
Мои – ровно столько
сколько могут дать в долг
с расчетом
что его не вернут.
Теперь ты считаешь убытки будущего,
а я считаю,
что считать нечего.

ЛИКОВАНИЕ.

голова распускается подобно цветку
ликованием мира святого
в этом мире
и они совпадают
как одна литургия

так, Отче!..

ОН ЗНАЕТ.

листья словно позолота
осыпаются с матово-синего
купола неба
родного Смоленска...
ну а под куполом
ясный воздух
и расплывчатые за ним очертания –
точно первая тонкая корка льда
под которой – вода...

а там
кучи листьев
напоминающих горки
оставляемые кротами
и рыжая собака
что роется в одной из них
так словно она
и они —
звенья одной
цепи...
о нежная кротость
тлеющего
 уголька!..
и ребенок, бегущий вечно мимо,
говорит маме:
мама! мама! смотри —
листья
превращаются в птиц,
я знаю...
и в маме
ребенок
летит
и прижимают летящие руки
летающий букет поцелуев:
вот ветер, которым мы дышим!

ПЕРВЫЙ СНЕГ.

снежинка
сворачивается на коже
как это делает паучок
притворяясь мертвым
и в этой легкости
вздрагивает истина
с которой ее подружки
пушистыми звездами
преломляют
невесомо падающий свет

* * *

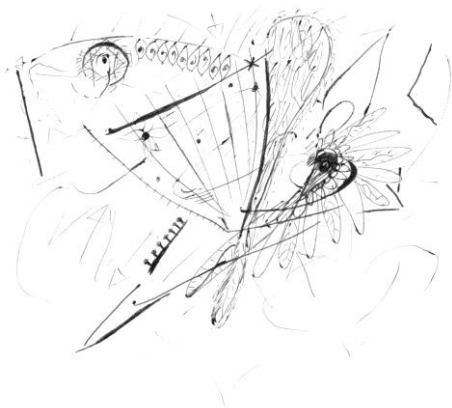
трава слуха
возвращаясь обратно в зерно
узнает свое происхождение в том
что на излете земной атмосферы
качаются праведные души
подобно прозрачным колоколам

ТА МУЗЫКА.

Пела каждая клеточка тела,
как сквозь дух хороводом летели,
и как теплый дождь в них входила
вездесущая лира эфира,

свое место даруя душе.

БРАТСТВО.

в помощи нежданной
неизвестно откуда пришедшей –
умей различить
грядущее братство
братство без расстояний
а по движениям сердца
которые
сами находят себя
сами действуют
формой луча

РОССИЯ МИРА.

снег струится мучнистыми реками
по русам ветра
с небес на землю
как золотоискатели
просеивают песок
видать сквозь душ
наших восторг
пока грезы
много больше чем грезы
и ложится под ноги
серебристо отлого
та самая вечность
становясь твердой
такою что
всякому русскому сердцу

России мира явленье
в этом блистающем мифе
где россыпь идет по следам
как дым по тлеющим уголькам
открывая единый лик
словно жемчужную нить
всех вообще мечтаний
а изнутри
под плацентой млечного пути
звучит
только краешек Господней верности
такой кроткой
что она берется нашими руками
и остается нашими руками
уже вдевших нить в иглу
и игру луча
окрыленно пронзившего время
подобное пене
которую переворачивает снег
напоминая собор
опрокинутый вверх

* * *

...пририсовывать старинным кораблям
ангелов вместо парусов
смешивать бабочку и цветок
говорить что звезды
растут на деревьях
и смеяться вместе с Машей
в инвалидной коляске
видя в щекотке рост крыльев
а в фантазии
припоминание божественности нашей
просто потому
что я люблю

давать жизнь
ведь ритм бытия настолько велик
что промахнуться невозможно

так получается праздник
истины
и что может быть легче
чем полнота сердца
так что бытие – исповедь?

* * *

умоляю
будь как ты есть
хоть один момент
словно смотришься в зеркало
но видишь там не себя
а два арочных окна
протянутые мостом
две реки поток
полный город
стада овец горы по кручам

раскинутые леса
и как тонет звезда
в дымке сфумато...
в общем все то
что как великое в малом
помещал на задний план
Леонардо –
и улыбнись

* * * *

когда снежинки – пена волн ветров
детишки катятся с гор
синие искры
пышут под полозьями санок
словно санки кремень
а снег кресало
и откуда-то куда-то
как на ладони
плывут ледники
и весна впереди
со снегом за шиворот схожа
словно мурашки по коже...
когда сидит, розовея,
когда сидит, пламенея,
у подъезда – кошка

ДЕРЗНОВЕНИЕ СЕЙЧАС.

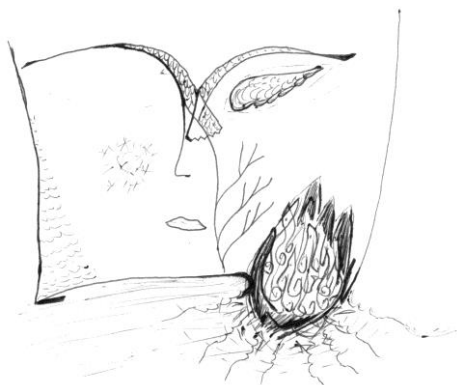
стремление куда-то вместиться
отлично подходит для мусора,
что касается меня,
если я захожу во все двери —
то чтобы любовь моя
воссоединяла бы: конечности, гнезда, моря,
праздники улиц, бунтующие бинты масок,
вопросы иллюзий, пустоты догмы,,
леса, **тебя**, сказки, народы, сферы, миры...
сейчас такой момент,
что приходится браться за все
считая огненными дверьми

весь человек сейчас — лишь дверь
пред неизвестным
поэтому нужен сквозной **стук сердца**

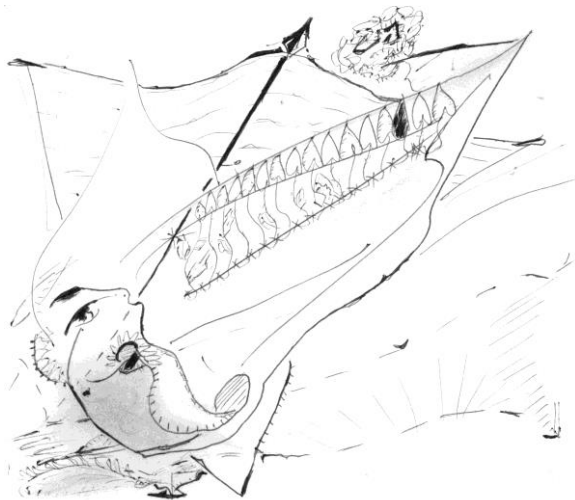
сизу
 смотрю
как за окном
дерево
 танцует ветвями
стремясь воплотить черты
Матери Мира
Богородицы нашей
как все – туда же
энергия и прозрачность
вот снежинка
 прилипла к стеклу
да так
 что видно
как лихорадочно бьется
ее кружевное сердечко
ритм ритм
спирали облаков
как глобулы белков
жизнь очевидна

как открытое пламя

Для начала.

почему бы мне
не побыть
всего лишь органом
человечности
ибо она
так быстро пройдет
люди и оглянуться
не успеют
как станут ангелами
так успеем договориться
о нашей преходящей родине
ибо она
так быстро канет
всего какие-то тысячи лет
пусть человечность воссияет
в преходящем
кто-то же должен
все это благословить
поднять
человеческий каждодневный слепой героизм

ТЫ.

Ты знаешь?
Ты слышишь?
Ты видишь?

Ты далекое делаешь близким.
Ты приключение которое приходит само.
Ты звезды как пыль.

Ты пыль как звезда.
Как мне не хватает тебя!..
Ты – еси.

Ты как мир
без войны и насилия.
Ты / теперь.

Ты значишь.
Ты геометрия Лобачевского
где параллельные пересекаются.

Ты мечта моя.
Ты на выходе мечты моей.
Ты больше чем стук.

Ты больше чем дверь.
Ты всегда новое.
И ты – гармония.

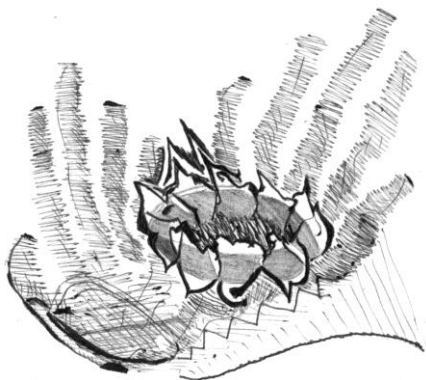

УИСТӨТЭ:

* * *

Он шел домой.
Он шел домой.
У подъезда
стояли ночь и ветер
словно гости
и он открыл.
И проблеск
 гас
и ветер
 гас
и самый мир
 был гас
.Но миг был светел.

Оставив синий шарф на шее
вошел в кухню
зажег конфорку плиты
сел и смотрел
как тихо шелестели
тончайшие голубые ладони

Блоку.

ступает что-то
сверху из меня
на меня ногой –
как бабочка
в цветеньи облаков
сминает в мусор туфельковый кокон...
Что ж?.. Это – счастье
зовет!..
Так – ты плита, что схожа
чем-то с фото,
в мозаичных полах
вкруг жизни алтаря
– Сияет Больше:

льешься

мне

как

цемент

святостью оттудашной, к моей –
между лучами
пере(меня),

и вынося

их, насквозь,

кирпичами – стремишь (дух – круг – друг)
мое серебро наступить...

Дальнейшее – в молчании,
что важней, величаво, и
исполненно

грудью огней.

Как тишина – Она

ты – гора.

Осколки – внизу...

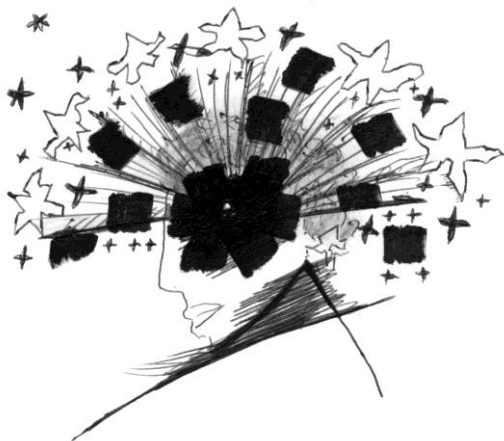
Золотая легенда – вот плод,
один шаг

что длиннее жизни. И – так –

Там

Рыцарь

возлагает эту корону
на Даму. Взлетает и веет – свет.
Твоя мечта – душа поэта
«для-одного-человека» – сбылась:
стать чистым Смыслом...
Плита. Алтарь. Живительные брызги.
Подвиг.

как будто был пожар
на нашем месте
остолбенев слились глаза

Тайна жизни.
Разгадка – словно:
кости в летящей птице –
клетка внутри нее.
Я хочу попадать
в жизнь тайны

остолбенеv слились глаза
как будто был пожар
на нашем месте

Будущее.

каждое мгновение, капая,
помнит себя рекой...
как пожухлые листья
метет через сквер –
их дети бросили коконы
физических тел.
Груды прозрачные. А впереди –
каждый оделся
в свои мечты.
Звезды покатаются. Время – воображенья кристалл.
Оно проснулось и смогло
увидеть вдруг себя
без помощи зеркала, то есть
перелившись за края.
Вечность и будущее слились.
Прах прошлого распаковал как нимбы
их слияний огни,
мгновениям – вольный простор.

* * *

тишина стоит
как вода в прозрачном кувшине
парень в черном пальто
распечатывает пакет кефира
и жадно пьет
из формы тишины
белый цвет

**СОХРАНЯЮЩИМ В ПРЕОБРАЖЕНИИ /
/ ЖЕНЩИНАМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ.**

Вы
при помощи вещей
как будто бы простых,
на внешний взгляд банальных
(но не улыбок – а их света,
но не жестов – а их значений,
но не слов – а их интонаций,

чудной музыки их вибраций) –
кутали меня
(того меня что без кожи)
в нечто светозарное, –
(льнущее теплом, но распаивающее, –
чем-то от крыла и от поляны с земляникой,
в чем я мог пребывать счастливо,
словно бог
в своей сфере,
надежно хранимый –
есть слабость силы) –
ткущееся каждым вашим движением,
чьи формы из жидкого света взяты,
как волна огибает берег, –
мне сродни прозрачной кольчуге, –
скульптурным как облик облаком
из смеси духов и Духа, –
так что в каждой клеточке
били родники
той материи от слова «мать»,
которой чисты;
а вы
(как маэстро, создав шедевр,
втайне зная трудов бесценность,
улыбается выше награды)
просто были этому рады, –
и радость лилась,
опять-таки, на меня...
Словно котенок, которому поставили
мисочку молока –
все понимаю, мурлычу,
только сказать не умею!..

ИЗ ЧЕРНОГО И БЕЛОГО.

Вселенная и великаны;
пещеры, где звезды выходят из камня
легчайшим кружевом белесой руды,
в хватке Земли, как со страницы шрифты.

Вот она, субстанция сновидений:
на огне очищается от грузных вкраплений;
как волны, в час отлива, от песка, —
оставляя радужные медузы битых зеркал —

и идет в дело.

Ртуть льется в песок, молодея,
пустыня жнетса горами зерна на жернова;
и, как монахи, из оков уходят Двери

чтобы выбирать себе открытые шаги...

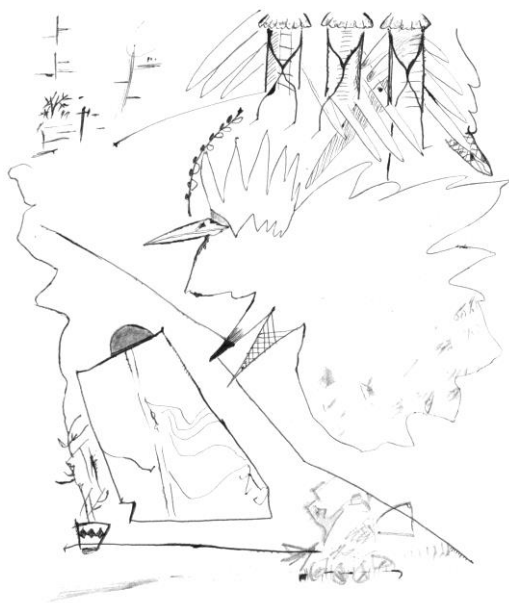
ПУБЛИКУЮ ПРИНЦИП ДВИЖЕНИЯ.

Ты можешь правильно не верить
в себя известного / известную,
и ты всегда можешь истово верить
в себя неизвестного / неизвестную!..
Остальное – приложится.

* * *

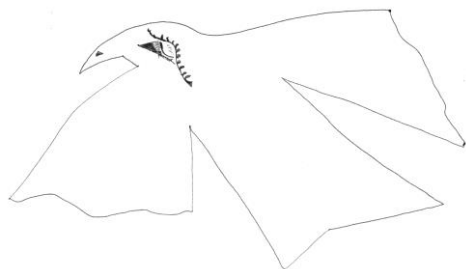
материя есть все чем одаряют
ее люди, она чарующе-волшебна,
если заплетать в ее мелодии – свои...
и у каждой вещи свой аромат.
не парфюмеры ли мы?
ты, чья рука, опадая,
отдает глоток молчания
воздуху – точно.
дома долго хранят аромат тех
кто им доверяется, и ночами стены
плавно перемигиваются этими облаками –
они для них
как сны для человека, только
еще больше – они
из них плетут пульсирующую
ткань собственного сердца, в лунном
свете и всхлипах шагов отзвучавших...
так дома по черточке собирают
свои перламутрово-туманные, едва
уловимые лица... их профиль
тонок, словно бледный месяц – когда
за стенами легко шагает, мнется ветер,
и тени листьев
взлетают и опадают, подобные салюту,
взлетают и
опадают,
и снова взлетают...
актеры без зрителей.

в такие минуты
чайник, должно быть, представляет песни
своего свистка как петуха на жердочке –
в малиновом и розовом
опереньи зари...
какие сны ее посещали.
какие сны ты в пряжу собрала?..
а, здесь...
я в своем уме или в твоём?!
сейчас строгость сырых очертаний
и тяжелая четкость теней
странно умиротворяют –
комнаты словно колоннада:
покой прямо-таки твердый. и
слышно далеко – только неясно:
мышь ли в норку юркнула, звезда ли
на завесе лбов прояснилась
волнистым шелестом луча,
где разглаживаются морщины?..

В НАС.

Роза бурлила. Нити Вселенной,
звезды бьют китовыми хвостами
в атомный свет.
Звеня вцепись в меня –
Гуляет Христом
синтез ядра.
Пыльца пыли.
Пух духа летит сквозь кожу,
улыбка парит.

* * *

в золотистой ночи
серебристый овал
(серебристо-пепельный – дождь –
словно слезы в огне: горсть –
прошел на как гильзы следы,
так что те – слившись – вылились
одною
каплей
воды –
которая не разбилась –
канула в реальность
простую и пластичную
как жидкая игла,

был прав

Лао

Цзы:

то которое знает – молчит
пока дети играют в футбол
плоским космо-
сом)

празднует

апофеоз дверей

как и звон

чистоты

земли –

темно-синий

тепло-фиолетовый...

вселенная на истине проехала: –

как подросток на велосипеде, –

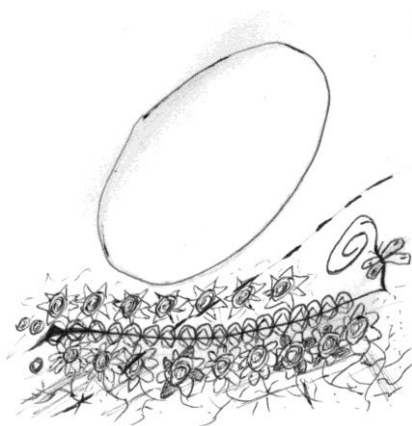
свежа, легка,

звездочки на бок съехали,

вот совсем хорошо, не нужны облака,

и движению нет смысла бежать

в никуда ниоткуда

ΠΑΡΑΚΑΡΤ:

ПАГАНИНИ.

луч смычок
мелькает протягиваясь
над скрипичными эфами
свивающихся лент дыма
туда-сюда
лунные шпалы в комнате
и проносятся на потолке
фар машин поезда
а ты лежишь поперек меня
как дорога
и тебя зовут – Муза
и дельфином идет колесо
от которого я – колея

жизнь жизни

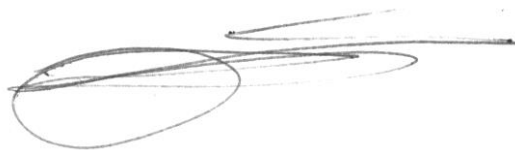
я лгу вам?
нет, лишь с упорством
достойным лучшего применения
пытаюсь высказать воздух
которым мы все дышим:

жизнь жизни (трижды)

все что ты тщетно готовишь к изгнанию –
жизнь жизни, жизнь жизни
легкий перст над преступлением вчерашним
сегодня – жизнь жизни, жизнь жизни
два минуса сложенных вместе:
жизнь жизни жизнь жизни
Вознесенского классический привет
в этих строках вполне
а в пробелах сильнее белей –
жизнь жизни, жизнь жизни
Уза, да что это ты
улетаешь так быстро

что твое «навсегда»
отзвучит как «всегда» –
это за пределами кавычек
жизнь жизни, жизнь жизни
то что мне внове страшно
сужаться до ленивой правоты
только своей – это все жизни жизнь, жизнь жизни
и все, что напрасно,
сквозь шелест свистящий, –
жизнь жизни, жизнь жизни, жизнь жизни
и после дна и после конца
после пустоты
хотя можно было и до –
жизнь жизни, жизнь жизни
я забыл, ты не знал(a),
но находит сама –
жизнь жизни –
жизнь жизни
мы стоим, тянем солнечно руки –
что до срока таил
светлый горб Отчизны?! –
только жизнь, жизнь жизни
вот оно главное что написал:
жизнь жизни, между нот
...наутро или в пурпурном потом
в сердце невидимом
очнется видимым перо то –
жизнь жизни ведь –
луна, дорога, Муза, я и вы:

торжествующии!

Время не приходит.
Время приносят люди.

закат как перевернутая огненная лодка
фотографируюсь с чайкой в небе
где рыцари звука в медных латах —
шагают вертикалью упрямо
прямые колокола
и идут невидимые дни
ведь с годами
как работал для жизни
с тем же рвением
начинаешь работать для смерти
чтобы встретить
вернее
тех кого растерял
по дороге.
Свет струится в мире лучистом
этих счастливых слез
рвущийся свет

* * *

не вспоминая ложь
которую знаем
исследуем друг друга
как исследуют
себя дети
ведь уже научились у смерти
целомудрию новизны
и есть еще шанс
родиться в тот блистающий мир
в котором приспособливаться значит гнить
еще при жизни
и пусть тогда словно нимб
зодиак искрит над нашими головами
как провода над трамваем

ТОСКА.

в подобных глазным яблокам
сферах фонарей
из-под
крылий майских жуков
кружатся медной стружкой солнца
других миров
бронзовые шары
чугунная решетка
 стальной ветер
толстые протуберанцы пилит
что есть силы
и света опилки
летят в лицо:
два глаза – два ангела
державшие человека под руки
ибо звезды – осколки нас
светильником на позвоночном столбе
дергая в опаленном мозгу
как металл в рыбьем рту

потому
что человек – осколки нас
в рыжих отсветах ржавых сполохах, вот
так плавно и слегка горит, подобно озеру,
полупрозрачный лист приманкой осени
открыть краны

корней

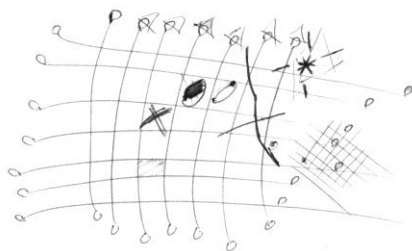
облако
отразить
лебедем на пруду
...ленточка мотылька

поет в глубину

обрушивая их купола
ибо время – осколки нас

По поводу Pussy Riot.

если дело касается драки
начала которой не видел
то становишься за того
кого бьют ногами
и это обгоняет
прочие соображения
что возможно и дальше
от ваших понятий о правде
но ближе к повадкам света
рефлексии же доступна
только она сам-друг
так что хватит об этом

ВПЕРЕДИВШИЕ.

проходя сквозь друг друга
как волна находит волной волну
мы творили межклеточный космос
нашего общего дома
с рассветом вселенной вровень
ибо звезды зажигаются из просторов
а между наших ладоней
полных лиц
из которых так билось жемчужное море
было его довольно
для Божьей воли
так что клетки
учились мерцать
солнечными вихрями бежать
и только время
в свое золотое лоно
уводя нашу радужную корону
ради будущего
отодвигало на шаг

революцию эволюции.
Впрочем, не наша вина.
Лучше быть Богом на миг
чем человеком на время,
ибо так расширяется горизонт
и куется пространство побед.

Да, да, да!

Ты оставила след, Е. В. К.,
как хотела.
Стреловидный во мне
как спиральное время
и его вера
в рассвет.

* * *

объемы

ночь таяла
и словно паутинка
в капельках росы
дрожали звезды
улетая выше
пока заря
не коснулась крыльца
словно края любимой земли
на морщинистой коже

* * *

земляная вода
цвета хат некрашенных
и словно бы обугленных дождем.
лужи спят
калачиком свернувшись
в небесах
словно пара, занимаясь любовью,
кувыркается голубь
и нежность
горит на ветру

* * *

приходится признать – вероятно
любовь, как мы о ней думали,
собой не венчает творения
или имеет в видах больше,
чем мы имели ввиду ее, –
иначе чем объяснить
что после того
как любовь, боль,
пламя и лед
и три тысячи
еще между двух крайностей
сплелись в объятии
выгнулись
и застыли
замерли в сердце
не то что пустотой
но чем-то совсем другим –
я наблюдаю
стоя в очаровании
и вижу
под веткой в конце аллеи
ту фигурку
как света
в замочной скважине
И бросаю ключ
не задаваясь вопросом:
с какой стороны – я?
И отнюдь
не застигнут врасплох

* * *

летят миры полураскрыто
снежинкой ли, листком

огнерыжее солнце лижет прозрачные окна
словно прибой и песок
поменялись местами
и комочками протоплазмы катятся, проникая,
стеклянные ракушки городов
где угловатые как правда подростки
не претендуют на правоту лучшего –
им довольно и
всех прав нового

и в телах летят сферы...
обернулись
глаза – кабины –
самолетов с пилотами радости в них,
рассвет закатом полуоткрыт

так люди становятся пространствами

сидят и открывают
друг другу душу
как будто
она одна
и спокойно-ясна
как то ли в центре урагана
то ли ближе к окраине города
образуется эта комната
то ли камень креугольный
мира нового

летят как поцелуй полураскрыто
кометой ли, лучом
стеклянные ракушки городов
(и двери хлопают как двери мирозданий)
над ровным словно зеркало огнем
не сгорая

все формы плавятся

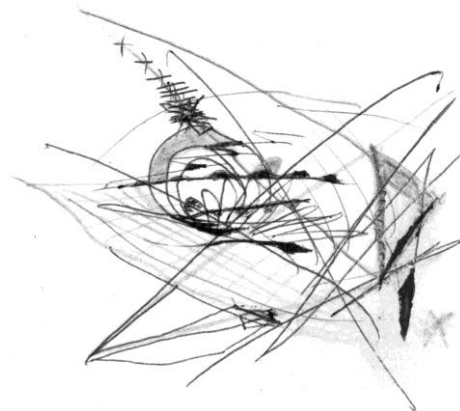
* * *

в книге жизни
нет перевернутых страниц –
лишь, бывает, лежит на столе,
раскрытая,
и ветер, врываясь в комнату,
шелестит ею –
все страницы шевелятся разом,
образуя над ней полукруг.
Есть оглушительный шепот моря.

ГОВРИ!

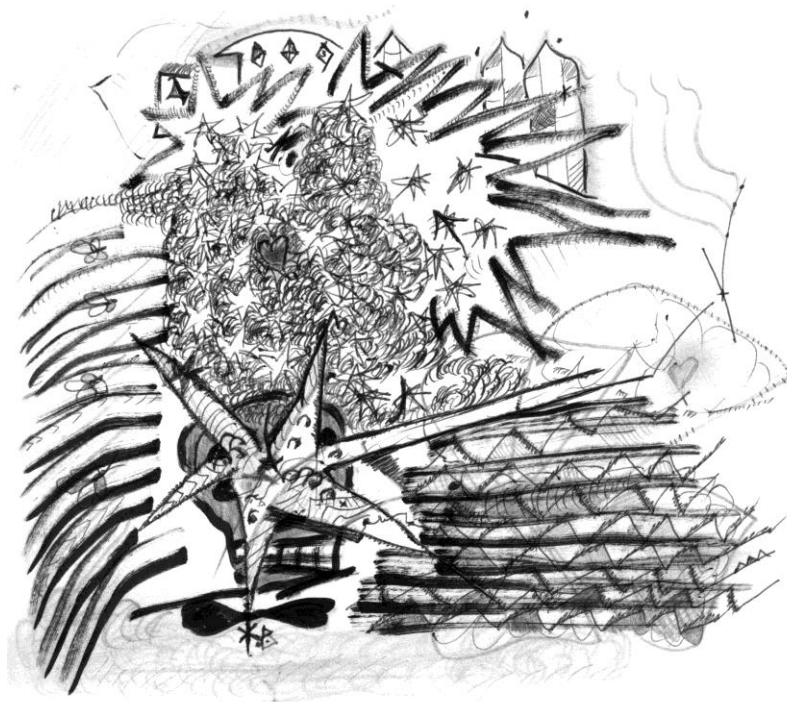
сверкающий день
как ажурно скомканная фольга
...так читаешь в глазах
что живой
...это пальцы так проверяли:
не зеркало ли

Орнаменты по квартире.
Лучи стоят как белые фигуры.
Как бы во сне.
Как будто я во сне. Но – нет.
Где-то ближе
чем «внутри» и «вовне».
Легко хожу, легко касаюсь кромки
планеты синей, словно тень цветов на небе,
в ореоле том.

Среди сиреневых – искристо-плавких – как снегов,
текут розовый и тонкий голубой.
В прожилках – гулкий серый.
За раскрытой форточкой и окном
дождь шумит словно улей
оловянных пчел. Трава
как аорты ветра видна.
Немые ветви тихо смотрят в корни.
Как по черной бумаге
белый карандаш
звезды летят
оставляя узоры в ночи.
И чувства поднимают эти реки
наружу выворачивая точки.
Я понимаю вектор запредельный,
что планеты несет на ладонях,
и что мы несем
из центра мира:
неповторимость.

Вот так
сюрприз!

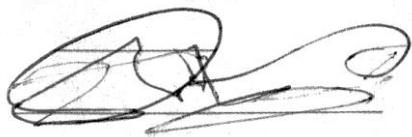

СОСТРАДАНИЯ.

...и, обжигаясь, прячась,
дуя ртутью и солью на пальцы,
это мы выгребаем
из сажи, щепотью как осиные гнезда,
из

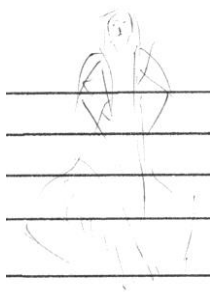
узорной золы сумерек
покатые скорлупки планет
как печеную картошку
из-под ровных углей
с камней

где наши черепа
давно проросли
 зрящей сизой травой
струнами нагих лир
протянувшейся через наше сейчас
к горизонту
который уже вырос
вскормлённый молоком
обреченных ландшафтов
других душ,
облетевших пузырьками вздохов.
А солнце как цветочное поле.
Побудем с пеплом,
 что в прожилках золотых,
прежде чем
шагнуть дальше.
Звездная острая белая боль
 вспыхивает дрожа
в самых кончиках пальцев.
Мы – прорехи сияния,
 силуэты ночей
как мешки, полные острых звезд...
Пыльца
 золотого
 града
треплет надутым парусом
в крыльях бабочки серой,
как солнце – звезда среди звезд,
мимо новых освенцимов, мимо старых майданеков.

* * *

готов к новому свету
как на столе
в операционной
лежу.
Боже, если можно –
без наркоза.
Свете тихий,
я хочу тебя больше
того,
что в состоянии сделать
звездный и лунный скальпель
и кафель длиною в полярную ночь,
пыль на бесценном зрачке.
Я хочу
чтобы здесь
Ты играл.

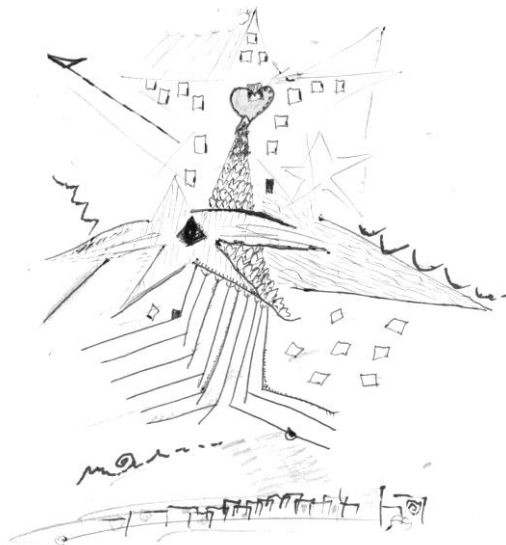

Ура!

Лучше быть плевком
в том подъезде,
где лампочку выкручивают
чтобы унести в кармане,

чем нитью вольфрама
в лампочке той,
как чекушка пустой
вне смысла.
Там, где свет путают
со своим лицом,
только своим, только тупым,
лицом –
боишься своего лица,
если строишь храм,
то из табачного дыма,
мгновенно сносимом ветром
до того, как его осквернят
как тот подъезд.
Быть плевком – некрасиво.
Есть холод, улицы и ночь.
Ходить, ходить,
где желтой тряпочкой сотрет
плевков с души
обесмысленное такси,
ибо
увидеть мир целым
пока можно
только снаружи
или перегорев,
каплей крови,
крошками хлеба. Шариком ртути.
Как быть с глазами любимой,
в которых видишь
только себя, одного, и
без совести, даже без
хотя бы одной
родной стороны, страны?!
Так и красные звезды Кремля
близки потому лишь
что красны и что звезды,
а народ – своей схожестью с.

Значит, не все потеряно...
Капли крови
первопрестольной
все летят
в сердце нашей ночи.

понять себя как звено
но живое
как луч
претворивший в себе
всю многогранность
и многокрасочность мощную
далее сам
бесконечной звезды
по принципу:
я не могу делить

смочь невозможное
им победить
объять слияние
путеводное
когда время чем гуще тем легче
мчаться
великолепием
свободных сил
лицом среди лиц
переплавляя в жизнь
свою
данную
первозданную сказку...
простое человеческое тепло
настоящее
образующее единый свет
дальше

(((((
(((((((((
(((((,, ((
((((((((((((
((((((((((((((
((((((((((((
(((((((((((
(((((((((
(((((((
((((((

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ПУТЬ ВЫВЕРНУТЫХ ЗВЕЗД:

Ночной вокзал	8
Чудо	9
Молчание	9
«чайка пикирует на волну...»	10
Сигарета будней	10
Головы	11
«лава листьев, багряно застывших...»	13
«ветер выписывает листьями на дереве...»	14
Разговоры	15
Высокая осень	15
Ночное	18
«скользкими мазками летят машины...»	19
«умирая...»	19
«слезы выплывают из глаз...»	20
«птица вперед метнулась...»	21
Веретена облаков	22
Деревянный нимб дома	23
«сощурясь я смотрю в себя...»	24

ДИАЛОГИ:

Оригами неба	26
Все будет	26
Диалоги текста	27
Безотчетная ширь	28
Нерукотворного!	29
Серп стрижа	30
«переливчатая как Северное сияние...»	31
Пред-зимнее	32
Скрижаль (критикам и т.п.)	34
Я смотрю на тебя (вся жизнь)	35
Диалоги пристальной пристани	35
Мимолетное	36
Улыбнись мне еще :-)	37
Реклама кафе	37

Пора!	38
Родинка.	39
Первое издание первой книги.	40
«полыхающая широко...»	40
Расскажи мне.	42
Карта.	43
Отцы-основатели: катарсис	44
Заново.	45
Рядом, вместе, разом и одновременно.	45
«Почки – глаза весны...»	46

ЛИТУРГИЯ ДА:

«сеет мелкий дождик...»	49
Та история.	49
Правильно ушедшей.	51
О.	51
Богово.	52
Выбегая.	52
Автостоянка.	53
Режь правду-матку.	54
Ирэн.	55
Детское.	56
Поэзия.	57
«когда ты на миг удалилась...»	57
Мэрилин.	58
К дому.	58

ВУТ ТАК:

Бесконечный.	61
«ее слегка прикрытые глаза...»	61
А-а-а.	63
«растоптана как след в грязи...»	63
Высизживай!	64
«прозрачневея сквозь огня...»	65
Дождь. Единение.	66
«снежинки как вилочки камертонов...»	66
Девочка-в-женщине.	67
К России.	68
«усаживаясь на лавочку в парке...»	68
Бриз.	69

Бабочка.	70
Сейчасье.	70
Снег предков.	71

ПЛАМЕННЫЕ САМОЛЕТЫ:

Размыкающий вопрос поэзии.	73
Искушение.	74
Тихая революция.	75
«улыбаться, пожимать руки...»	76
«полуночные облака...»	76
Утром.	76
Узы.	77
Великие.	78
Пламенные самолетики детства.	78
Еду!	79

РЕЖУТ ЛЕНТЫ:

Откровение.	81
«тень дрожит колыхаясь...»	81
Лии-на.	83
Да	84
Момент перемены ветра.	85
Совесь.	86
То время к Е. В. К.	86
На крыше.	88
Автографы.	89
«улицы всплывают из снега...»	89
Века серебра.	90
Читателям.	91
Древесная тоска.	91
Ветка марта.	92
Тайна.	93
Мажет космос.	94

СЕМЬ-Я:

«самолет в фиалковом небе...»	96
Самому себе.	97
Больше чем дому.	98
Кристалл мужества.	99
Мемориал.	99

Мы	100
«поднимаясь по лестнице...»	102

СТЫК:

Апрель	104
Весна Японии	104
Вокзал, мы и скворцы	105
«тонкий месяц чертится в небе...»	107
Стансы Нике Турбиной	107
«горячий луч солнца...»	109
«привет, новостройки окраин...»	109
Чай	110
«остатки снега во дворах...»	110
К Е. В. К. ђ	111
Май	112
С днем рожденья!	112

ВЫХОД ЛЕТ:

Вечной Женственности	114
А дождь как надежда	115
Танцующей сквозняком	115
Деревья листьев за окном	116
Строки	117
«в темноте...»	118
Майская гроза	118
Шок	119
Верно-сть	120
В очках дерева	121
«лунная дорожка перед Луной...»	122
«закрывшись и изнутри светясь...»	122
«солнышко в глазах полощет радугу...»	123
Определение ангела	124
Яснее ясного	124
Ѣ	125

ПРЕВРАЩЕНИЕ:

Культура	128
Молитва поэта	128
Сам	129
Моему народу	130

Старики идут.	131
Последний час.	132
Христос.	133
«с той стороны...»	133
Дорожное.	134
Звезда и я.	136
Доброта.	137
«от людей...»	138
Тишина.	139

ПИРА ЭФИРА:

Любимый поэт.	142
«поклониться этому дню...»	142
Общение.	143
«солнце как задние широкогорящие фары...»	144
Ответ на смс.	145
Как бы то ни было.	146
Зильфиды.	147
Разрыв?	148
Мироокая.	148
Сны.	149
Капитализм.	149
Ликование.	150
Он знает.	150
Первый снег.	152
«трава слуха...»	152
Та музыка.	153
Братство.	153
Россия мира.	154
«...пририсовывать старинным кораблям...»	155
«умоляю...»	156
«когда снежинки – пена волн ветров...»	157
Дерзновение сейчас.	158
«сiju смотрю...»	159
Для начала.	160
ТЫ.	161

ЧИСТОТА:

«Он шел домой...»	163
Блоку.	164

«как будто был пожар...»	165
Будущее.	166
«тишина стоит...»	167
Сохраняющим в преображении / / Женщинам повседневности.	167
Из черного и белого.	169
Публикую принцип движения.	170
«материя есть все чем одаряют...»	170
В нас.	172
«в золотистой ночи...»	172

ПОЛУКРУГ:

Паганини.	175
«Время не приходит...»	177
«закат как перевернутая огненная лодка...»	177
«не вспоминая ложь...»	178
Тоска.	178
По поводу Pussy Riot.	179
Опередившие.	180
«объемы...»	181
«земляная вода...»	181
«приходится признать – вероятно...»	182
«летят миры полураскрыто...»	182
«в книге жизни...»	184
Гори!	185
«Орнаменты по квартире...»	185
Сострадания.	187
«готов к новому свету...»	189
Ура!	189
«понять себя как звено...»	191

ДОБРОВОЛЬСКИЙ
Александр Васильевич

ВБЛИЗИ И ВОДАЛЕКЕ
Смоленск, 2013

Бумага офисная.
Печать лазерная.
Шрифты Times New Roman,
Oxuh, Postmodern One.
Тираж 5 экз.